

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ДВАЖДЫ
КОРОНОВАН

Владимир Григорьевич Колычев

Дважды коронован

Серия «Бригадир», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=644205

*Владимир Колычев. Дважды коронован: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50344-5*

Аннотация

Вот уже несколько лет Спартак Никонов контролирует один из подмосковных рынков. Бригада у него сплоченная, проверенная, большие деньги поднимает. Братва уважает и боится Спартака – как московская, так и залетная. Сам он не беспредельничает и другим косяков не спускает, уважая и соблюдая понятия. Вот-вот его коронуют, несмотря на то что за плечами у Спартака нет ни одной ходки. Но в один миг жизнь круто меняется. Подполковник милиции оскорбляет жену Спартака, а такого бригадир не прощает никому. Мент в реанимации, а Спартак в КПЗ. Здесь Никонов пока никто, и ему надо ставить себя с нуля, чтобы выжить, заново подняться – и короноваться уже по-настоящему...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	38
Глава 4	51
Глава 5	64
Глава 6	80
Глава 7	98
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Владимир Колычев

Дважды коронован

Глава 1

Смычок драл струны, вытягивая звук не только из скрипки, но и из самой души.

*Там сидела Мурка
в кожаной тужурке,
А из-под полы торчал наган.*

Патлатый лабух краснел от натуги, пытаясь выдержать высокую ноту. Не самый сильный у него голос, но парень старался. Еще бы, такая песня! Зато худосочный очкарик виртуозно наяривал смычком, вытягивая из скрипки нерв и вышибая слезу. И так ловко у него это получалось, что ни гитары не слышно, ни даже ударных.

*Мурка, ты мой Муленочек,
Мурка, ты мой котеночек...*

Сильно, душевно, пронзительно.

Мощная песня, не вопрос. Только не фонтан какой-то в тексте. «Раз пошли на дело, выпить захотелось, мы зашли в

шикарный ресторан». Какой кабак, если дело еще не сделано? Сначала дело, потом все остальное...

Вот у Юры Фурмана все по уму. Он сначала восемь лет отмотал, от звонка до звонка, как и положено правильному пацану. А когда откинулся, на свои кровные заказал поляну в том самом шикарном ресторане. Халдей суетится, лабухи слух греют, девчонка за соседним столиком глаз радует. Все путем, короче. Водка рекой, душа поет, жизнь удалась...

А девчонка, что за соседним столиком, хороша. Длинные темно-русые волосы, лицо – из лучших фондов природы, кожаная жакетка, короткое черное платье с люрексом. Не похоже, что у нее наган под пиджачком, но под платьем точно – драгоценный клад для оголодавшего мужчины.

Шесть лет у Фурмана не было женщины... Ну, это версия для корешей. А если по чесноку, с бабой он вообще никогда не был. Заочно-ручное общение не в счет.

В шестнадцать лет он сел. За убийство. Темным вечером мужика в парке зарезал, по классическому сценарию – гоп-стоп, мы подошли из-за угла. Терпила сам виноват был. Юра с ним по-человечески, нож к горлу – кошелек или жизнь? Ну, тот дернулся, а острый нож в шею по самую рукоять вошел. Кровищи было, жуть... Два года на малолетке отмотал, шесть – на взросляке. А ведь цель была так близка! Деньги хотел взять, чтобы Таньке цветы купить, ну, и бутылку портвейна. У нее предки куда-то уехали на пару дней, она Юру к себе домой на огонек пригласила, но брыкучий мужик все

испортил. Нет чтобы спокойно лопатник отдать, так он вдруг народным дружинником себя возомнил. Хорошо, что терпила пьяный был, а то могли бы все пятнадцать лет за него впасть. Хотя и восемь – такой же большой минус по жизни, как серпом по яйцам.

Но ничего, сейчас ему двадцать четыре, вся жизнь впереди, надейся и жди. И Таньки у него будут, и Маньки, и прочие прелести жизни. Главное, нос по ветру держать.

– Ну, ты мужик, Фурман. Давай за тебя!

Юра недовольно глянул на Косого. Этот уже в дупель уелся – и без того косые глаза вообще, казалось, местами поменялись, и язык еле ворочается. Как бы на руках домой тащить не пришлось. Впрочем, не для того Фурман восемь лет мотал, чтобы со всякой пьянью нянчиться. Сам доползет. Отоспится под столом и доползет.

– Я тебе не мужик, понял! Я блатной, понял? В авторитете!

Фурман хорошо помнил, как его гоняли на «малолетке». Одна только прописка чего стоила! Со второго яруса вниз головой сигать пришлось, с завязанными глазами. Его на одеяло хотели поймать, а рука у кого-то дрогнула, и он со всей силой об пол. Две недели потом в больничке с гипсом на шее провалялся. Затем сам над новичками издевался, понятиям учил. Но в авторитеты тогда не выбился. Да и на взрослой зоне, честно говоря, выше бойца подняться не смог. В свите у смотрящего по бараку ошивался, с неугодными разбира-

ся, с беспредельщиками на разборках дрался, с кавказцами на ножах сходил. Ну так молодой он еще, чтобы реально в авторитете быть; ему бы еще три-четыре года, он бы и сам отрядным смотрящим стал...

— Ну, извини, если обидел, — в тяжелом пьяном раздумье медленно почесал у себя за ухом Косой.

— Меня нельзя обидеть, понял! Меня можно только оскорбить... А-а!

Не в том состоянии был сейчас Косой, чтобы вникать в толкования. Совсем никакой. И Горемыка тоже лыка не вязал. Смотрел на Фурмана, как верблюд в зеркало, — глаза таращил, но ничего не соображал.

И Косой, и Горемыка — чужаки в этом кабаке. Музыка их не волнует, бабы не греют, им бы нажраться в лежку, вот и все счастье. Грузчиками они работают на железнодорожной станции; утром опохмеляются, вечером бухают, а в перерывах пашут и спят. В этом вся их жизнь, к другому они даже не стремятся. Фурман восемь лет за колючкой провел, и то выглядит сейчас лучше, чем они. Зеленые джинсы, кожаная куртка — неважно, что из кусочков сшитая, затертая; главное, смотрится он в ней круто. А Косой и Горемыка выглядят как оборванцы, если б не Фурман, официант и обслуживать их не стал бы. Правда, при всей своей зачуханности Косой и Горемыка смотрятся внушительно. Рослые, мощные, а сила в руках такая, что батарею парового отопления как гармошку порвут. Да и рожи те еще, без содрогания на них не взгля-

нешь. Что у одного грубые и тяжелые черты лица, что у другого. Хотя у Косого физиономия вытянута в длину, а у Горемыки – в ширину, у одного губы толстые и слюнявые, а у другого их вообще не видно. Зато у Горемыки брови такие косматые, что сам Брежнев позавидовал бы.

Фурман тоже не утонченной внешности, черты лица у него такие же грубые, наспех тесанные, нос крепкий, скулы мощные, подбородок тяжелый. Может, и не красавец, но, глядя на себя в зеркало, он думал о том, что должен нравиться женщинам. Суровое у него лицо, как у сильного, волевого мужчины. Бабы таких любят... Только почему-то темно-руссая красотка даже не замечала его.

Главное, платье не оправляет, хотя ноги обнажены чуть ли не до задницы. Знает, что вид у нее жуть какой соблазнительный, и хоть бы хны. Провоцирует Фурмана, но в его сторону не смотрит. А ведь нарочно заводит его, заманивает...

Он бы подошел к ней, пригласил на медленный танец, но нельзя. Красотка не одна, подруга с ней, симпатичная брюнетка, и два парня в компании. Крепкие на вид ребята, серьезные и одеты стильно – модные кожаные пиджаки, водолазки с коротким воротом. Говорят много, жестикулируют, пальцы веером разбрасывают. Типа, крутые, основные... Видно, что девчонкам они нравятся.

Ну да, у пацанов на столе вино импортное для дам, сами дорогой «Абсолют» хлещут, красная икра в вазочке, горячие блюда – все как в лучших домах. А у Фурмана на столе

только водка, самая дешевая, да остатки салата. Чем он такой может быть интересен красивым девочкам?

А надо быть интересным. Нужно, чтобы девчонки сами вешались ему на шею. Деньги для этого нужны, шмотки фирменные, крутая иномарка...

Он хоть и на зоне был, но знает, как люди на воле живут. Пацан из Москвы с ним сидел, Костя Смык; он рассказывал, какая в столице шикарная жизнь, как народ при деньгах с жиру бесится. Чем занимаются, как одеваются, на чем ездят, как телок снимают – все рассказывал. И так красочно описывал, что Фурман как наяву в Москве побывал.

Смык в столице занимался рэкетом. Бригада у них своя, конкретная; схема простая: находят жертву с хорошими деньгами, наезжают со страшной силой и прессуют, пока до нитки не оберут. «Крышами», говорит, тяжело заниматься, бойцов надо много, разборки постоянно, стрельба с трупами – в общем, сплошная морока. А дикий рэкет – самое то для крутых пацанов. Правда, бригаду всю постреляли. Измайловская братва навалилась, загнала ее в угол – и всех в расход. Смык чудом уцелел. Менты его повязали, так для него это в радость. Три года за незаконный ствол – мелочь по сравнению с расстрелом. С умом надо работать, не попадаться, тогда и жизнь кучерявая будет, и конец света не случится.

А голова у Юры на плечах есть. И за кулаком он в карман, если вдруг что, не полезет. Да и ножом запросто пырнуть

может. Из волюны стрелять научиться, если надо. Косого в бригаду можно взять, Горемыку; ну, еще люди будут, если хорошо поискать...

В Москве конкретно развернуться можно. Главное в лихом деле – информация, но для этого проститутки есть. Ставку нужно на элитных путан делать, они с богатыми бизнесменами спят, поэтому хорошую наводку могут дать.

А может, эти двое в кожаных пиджаках – тоже рэкетиры? Только не московского, а местного разлива. Тартарынь – пускай и не самый большой город в России, но и не самый маленький. И свои богачи здесь есть, и свои робин гуды с большой дороги. Может, эти парни проститутток сейчас разрабатывают. Вино, икра, хорошее настроение, слово за слово – информация о терпилах...

Но и Юра Фурман такой же крутой, как и они. Бригада у него, деньги, тачки, стволы. Много денег... И бригада – супер. Если вдруг что не так, всех на британский флаг...

Он резко поднялся с места, и ноги сами повели его к соседнему столику, где сидела красивая соблазнительница. Все происходило само по себе, и в какой-то момент Фурман будто увидел себя со стороны. Вот он подходит к девочке, рукой касается ее головы, пальцы его скользят вниз по шее, останавливаются на плече... Девушка недоуменно и в оцепенении смотрит на него, но молчит и даже не пытается скинуть его руку со своего плеча. А парень ее поднимается, расправляет плечи, крутит шеей, чтобы размять ее. Шея мощная,

борцовская, и в плечах не слабый задел.

– Ты чо, уху ел, клоун? – Парень не злится, скорее радуется возможности подраться.

Сознание наконец соединяется с телом, и Юра снова находит себя в пространстве. Нет у него крутой бригады, и деньги он придумал, и тачки, и стволы. Это фантазия спьяну разыгралась, вот и понесло его к быкам на рога.

Руку Фурман с женского плеча убрал, но извиняться не спешил. Может, и занесло его на повороте, но расшаркиваться перед этим крутышом он не собирается. Есть у него своя гордость...

– Ты кого клоуном назвал, морда?

Он сунул руку в задний карман брюк, вытащил оттуда «лисичку», нажал на кнопку, и лезвие звонко щелкнуло, выскочив из своего гнезда. Этот щелчок разорвал время на две половины – «до» и «после». Зал ресторана вдруг погрузился в тишину, в которой утонул девичий вскрик. Музыканты перестали игры, и стало тихо до звона в ушах.

Крутыш что-то сказал ему, насмехаясь, но Фурман ничего не слышал. Оказывается, звук отключился внутри его самого, уши наглухо заложило.

А в руках у парня вдруг появился пистолет. Юра не слышал, как лязгнула затворная рама, но видел, как она передернулась, досылая в ствол патрон. Черное жерло ствола уставилось на него, палец шевельнулся на спусковом крючке.

Юра не хотел расставаться с оружием, но все вышло само

по себе – пальцы вдруг предательски разжались, и нож упал на пол. Правда, рука от этого легче не стала, скорее наоборот. И ноги вдруг потяжелели.

А крутыш уже обогнул стол, сблизился с ним, резко повел плечом. Фурман видел, как рука с пистолетом надвигается на него, но защититься не успел. Пока поднимал руку, тяжелая рукоять врезалась ему в лоб, и он отключился...

* * *

Голова гудела, как трансформатор под напряжением; казалось, если вдруг открыть глаза, она лопнет, развалится на части. Но звук льющейся жидкости все-таки заставил Фурмана разжать веки. Во рту было сухо, очень хотелось пить...

Оказалось, это не вода наливалась в стакан, а булькала водка, которую от души, не жалея, лил Горемыка из граненников. Одним разом всю бутылку по трем стаканам раскидал. Фурман лежал на грязном продавленном диване и видел, как у него ходит кадык под горлом. В предвкушении удовольствия находился не только Горемыка, но и Косой. И еще какая-то худенькая крашеная блондинка, немолодая баба, далеко за тридцать, видно, что потасканная и затертая до дыр. Лицо испитое, но все-таки что-то в нем осталось от былой красоты. Футболка на ней грязная, куртка с чужого плеча, джинсовая юбка с латками, ажурные чулки с огромной дырой на ляжке. А ножки длинные, хотя и кривоватые, но

все-таки очень даже занятные.

Женщина, водка, диван... Комната это. Грязная, захламленная, убогая, но все-таки не тюремная камера. А ведь сквозь забытие в голове у Фурмана проскакивала мысль, что его закрыли в ментовском изоляторе. Все-таки он нож доставал, а это холодное оружие. К тому же не паспорт у него в кармане, а справка об освобождении...

Нет, он в каком-то доме; сквозь грязное, до ужаса запыленное окно пробивается тусклый свет, но тюремной решеткой здесь и не пахнет.

Да, кажется, Горемыка говорил, что у него где-то на отшибе дом свой, от бабки остался. Он еще Фурмана уговаривал водки побольше взять, закуски и к нему поехать, чтобы на кабак не тратиться. Блин, надо было так и сделать, чтобы не мучиться сегодня воспоминаниями о вчерашнем бездарно прожитом дне. И перед красоткой опозорился, и перед пацанами. А еще шишка на лбу выскочила...

– Твою мать! – простонал он, ощупывая больное место.

Хорошо ему вчера крутован врезал, а мог ведь и кость проломить.

Удивительно, но никто не обратил на него внимания. Косой, Горемыка и блондинка лишь заторопились, услышав его голос. Быстро чокнулись, дружно выпили, смачно выдохнули – вроде бы с горечью, но так радостно, что Фурману даже завидно стало. И опохмелились, и с ним делиться не пришлось.

– А-а, Юра! – просиял Горемыка, глядя на него. – Проснулся!

– Привет, Юра! – шагнула к нему блондинка, протягивая для приветствия руку. – А я – Зойка!

Шлепнув пальцами по его раскрытой ладони, она резко повернулась к нему спиной. Тощей задницей толкнула в грудь, чтобы подвинулся, и села, локтем опираясь на его бедро. От нее резко тянуло дешевым цветочным одеколоном – то ли внутрь его употребила, то ли голову им полила. Но это «благоухание» не могло перебить запах тухлой рыбы.

– Ты че, бесхозная? – спросил он, всей своей тяжестью положив ей руку на плечо. – Косой, твоя телка? Горемыка?

– Да мы не жадные, пользуйся, – хмыкнул Косой.

– На твои сегодня пьем, ты у нас король, – весело оскалится Горемыка.

– Ты сегодня король! – улыбнулась Зойка, обнажая гниловатые зубы. – А я твоя королева!

– Иди подмойся, королева! И приходи. Буду тебя короновать...

– Фу, какой ты грубый! – надула она щеки.

Фурман толкнул ее в спину, скинул с дивана и поднялся, нависая над ней.

– Полчаса у тебя! Будешь вонять – убью!

Он понимал, что Зойка ничем не сможет ему ответить. Горемыка с Косым не станут за нее заступаться, а она и не убежит: в углу комнаты стояла целая авоська с водкой. Легче

себя в порядок привести, чем такого удовольствия лишиться.

Так и оказалось. Как только Зойка вышла, Горемыка откупорил вторую бутылку.

Водки полно, ливерная колбаса на столе, сало, хлеб, маринованные огурчики в банке. Фурман полез в карман брюк, но они были пусты.

– Значит, на мои пьем? – спросил он, хищно глянув на Горемыку.

Хоть Юрка и обломался вчера конкретно, но это вовсе не значит, что теперь его место в задних рядах. Он должен отомстить местным беспредельщикам и сделает это. Но ему нужна бригада. Он должен стоять над Горемыкой, а не наоборот. И Косого нужно под себя подпрячь.

– Так это... не стали тебя будить... – Горемыка достал из кармана несколько мятых купюр, бросил на стол. – Сдача вот.

– И как это называется? – свирепо спросил Фурман.

– Как? – настороженно посмотрел на него Горемыка.

– Крысятничество, вот как это называется! А за крысятничество в приличном обществе убивают, понял?

– Эй, ты не колотись, не надо, – мотнул головой Косой. – Мы тебя вчера из кабака на себе тащили.

– И что? Если на себе тащили, значит, я вам должен? Так я бы с вами расплатился. А так, получается, что вы скрысили мои деньги...

– Ты не нам должен, ты в кабаке был должен. Мы же тебя утащили, а за поляну не заплатили. Ну, мы эти деньги и достали, чтобы в кабак отнести. А потом подумали, что нам они нужней. Вот, бухла накупили... Завтра на работу, а это смерть, если не опохмелиться. Сегодня опохмелимся, завтра как огурчики... Ты закусывай, закусывай, не буксуй! – Горемыка снова откупорил бутылку, но на этот раз накинуд граммов по пятьдесят на душу. Все правильно, темп надо сбавлять.

– Да хрен с этим кабаком, не обеднеют! А эти, ну, которые с волыной, они куда делись? – потрогав шишку на лбу, спросил Фурман.

– Забрали своих телок и ушли... Ну, и мы тебя утащили...

– А пика где моя?

– Не знаю, не было ничего, – пожал плечами Горемыка. – Может, эти, крутые, забрали? Один из них наклонялся, что-то поднимал...

– Какие они, на фиг, крутые? – презрительно скривился Фурман. – Да если б не волына, я бы его на запчасти...

– Так ведь была же волына. Была. Значит, он крутой, – не согласился с ним Косой.

Юра озадаченно ковырнул пальцем в носу. Что ни говори, а логика железная.

– Ничего, я эту падлу еще найду! – пригрозил он.

– А если найдешь, то что? – насмешливо сощурился Горемыка.

Водка сняла с него похмелье, и сейчас он находился в состоянии промежуточной трезвости – еще не пьян, но уже слегка под градусом. И на ногах держался крепко, и язык не заплетался. Ну, и голова неплохо соображала. Если и нужно с ним о чем-то договариваться, то сейчас самый подходящий случай. Чуть промедлишь, и поздно будет.

– Завалю!

– У него же волына.

– Я не Александр Матросов, чтобы на амбразуру бросаться. Сзади зайду.

– Слова это все, – покачал головой Горемыка. – Не станешь ты его валить. Зачем тебе это?

– А давай забьемся, что завалю!

– И что, если завалишь?

– А в рабство ко мне пойдешь!

– Чего?!

– Работать на меня будешь. Ты и Косой – уже двое. Еще пацанов найдем, бригада у нас будет. В Москву поедем... У меня наколочка там есть, – соврал Фурман. – Пацанчик из отряда дал. Миллионер один в своем доме живет, за городом, без охраны. Мы к нему в гости зайдем, поговорим, он нам свой миллион и отдаст...

– Грабанем, что ли? – скривился в раздумье Горемыка.

– Темный ты! – хмыкнул Фурман. – Грабят – это когда силой забирают. А он сам нам все отдаст – подобра. Если поздорову хочет быть... Или очко играет?

– Не играет, просто стремно как-то.

– А помнишь, как мы на гоп-стоп ходили?

– Когда это было!

– Были бы поумней, рэкетом бы занялись. Бригаду сколотили бы, торгашей данью обложили. Весь город бы нам платил...

– Так он сейчас Робинзону платит, – вставил слово Косой. – Робинзон у нас всем заправляет...

– И как живет?

– Очень клево живет. Особняк на водохранилище, яхта...

– Девчонок на яхте катает, да?

– Наверное.

– Они у него там на палубе голышом. Зарядку по утрам делают. Ноги врозь – ноги вместе, ноги врозь – ноги вместе. А у него своя гимнастика: упал – отжался...

Фурман представил, как с капитанского мостика собственной яхты с небрежным видом разглядывает голых девчонок, загорающих на верхней палубе. И даже мысленно поманил к себе тоненькую шатенку с очень выпуклой попкой. На длинных ногах, походкой от бедра, она приближается к нему, белозубо улыбается, рукой обвивает шею, обнаженной грудью прижимается к плечу...

– Упал – отжался. Упал – отжался. Упал – отжался...

От таких фантазий и дух захватывало, и в мозгах заклинивало.

– Эй, с тобой все в порядке? – удивленно посмотрел на

него Косой.

– Нет. Со мной не все в порядке. Особняка у меня нет на водохранилище. И яхты нет. И девчонкам я не вправляю... А ты бы хотел на яхте? С ветерком. Одну телку за жопу мацаешь, другую – за сиську...

– Ну, если красивые телки...

– А нет никаких телок! Только Зойка да бухло! И никакого просвета, мля. Утром глаза продрал, опохмелился – и на работу, вечером в дулет и спать. А потом где-нибудь под забором заснешь – и не проснешься. Или замерзнешь на фиг, или на перо поставят, чисто приколоться. Как собака сдохнешь! Тебе это надо?

– Не, как собака не хочу, – мотнул головой Косой.

– А как хочешь? – хмыкнул Горемыка.

– Никак не хочу.

– Рано или поздно придется сдохнуть, – покачал головой Фурман. – От жизни умирают. Не знаю, кто как, а я хочу помереть по-человечески. И жить как белый человек, и умереть так же. Но сначала белым человеком стать надо, правда, через черные дела. Бригаду свою сколотим и в Москву дернем миллионы намолачивать. Там свои водохранилища, и дома себе построим, и яхта у нас будет, и телки голые, и все дела. Не водку пить будем, а ром с виски, чин чинарем, как белые люди, через соломинку...

– Я через соломинку не хочу, – пожал плечами Косой. – Но яхта с девочками... У тебя реально наколка на миллионе-

ра есть?

– Слово пацана!

– И что, реально на лимон можно подняться?

– Сначала на лимон, потом на два. А там, глядишь, вагон придется покупать, чтобы бабки складывать. Вы сейчас апельсины бочками грузите, а потом будете вагоны с лимонами разгружать, а это уже царское дело, или нет?

– Не хило было бы, – почесал затылок Косой.

– Да мне и одной бочки хватит, если с лимонами... – осклабился Горемыка. – Только зачем с этими разбираться, ну, из кабака? Сразу бы в Москву и дернули, чего тянуть?

– А пить бросишь? – пристально посмотрел на него Фурман.

– Чего?!

– Нельзя пить, когда на дело идешь. Погореть можно.

– И долго не пить?

– Ну, неделю, может, две...

– Не, я так не согласен. Хотя, в принципе, можно...

– В том-то и дело, что в принципе, – усмехнулся Юра.

Толку от Горемыки не будет. И от Косого тоже. Не уйдут они в завязку: и здесь пьют, и в Москве не остановятся. А Фурману явно не хватает авторитета, чтобы запретить им.

Но авторитет зарабатывается. У него судимость, восемь лет за колючкой – это уже само по себе большой плюс. Теперь только нужно замазать прокол с крутым, который опустил его в глазах Горемыки и Косого. На этом же и поднять-

ся. Фурман завалит своего врага, и пацаны поймут, насколько высокого полета он птица. Начнут его бояться, и тогда он может вертеть ими как захочет... Но как завалить крутого?

– Ну что, вздрогнем? – поднял стопку Косой.

– Дело такое, что грех не выпить, – кивнул Фурман. – Давайте, пацаны, за наше общее дело!

Он уже порядком опьянел, когда появилась Зойка. Вымытые волосы распущены, платье старое, грубо сшитое, но короткое, бусы пластиковые вокруг шеи, туфли со сбитыми носками на каблуке. И улыбка – хитрая, хищная. А правую руку за спиной держит, что-то тяжелое в ней.

– Как я вам? – спросила она, ядовито глядя на Фурмана.

– Да лучше не бывает! – ухмыльнулся Косой.

Он попытался ее облапать, но Зойка оттолкнула его, шагнула к Фурману и наставила на него стволы обреза. Вот, значит, какую штуковину прятала за спиной!

– Так на кого ты бочку катил, козел? – шипящим голосом спросила она.

– Эй, ты че, с катушек съехала? – оцепенел Фурман.

Обрез охотничьей двустволки смотрелся очень внушительно. У Юры даже мурашки по спине поползли.

Косой находился сбоку от Зойки и запросто мог забрать у нее оружие, но он лишь с интересом наблюдал за сценой, явно ожидая продолжения. И Горемыка тоже не спешил помогать Фурману.

– Щас ты сам у меня подмоешься, утырок! – рычала на

него Зойка. – Щас голым на улицу выпущу! Давай куртку снимай!

– Не вопрос. – Фурман начал расстегивать пуговицы.

– Зойка тебе не какая-то там! Зойка всегда может за себя постоять! И не таких обламывала! – бахвалилась она.

Но в этот раз обломали ее саму. Сняв куртку, Фурман неожиданно ударил ею по стволам. Обрез выскочил из Зойкиных рук, она так и не успела выстрелить.

Фурман поднял руку и наотмашь ударил ее ладонью по лицу. Зойка отшатнулась, но Косой, подхватив, удержал ее. А Фурман поднял с дивана обрез и направил его на взбесившуюся бабу.

– Заряжен?

– Да! – в ужасе схватила за голову Зойка.

– Сейчас проверим!

– Не надо! – Она крепко зажмурилась.

– Ты на кого наехала, сука?

– Я просто...

– Что – просто?

– Пошутить хотела.

– Я думал, ты просто тутка, – с высоты своего величия ухмыльнулся Фурман.

– Хочешь, буду проституткой?

– Может, и хочю, – смиростивился он и свободной рукой показал на дверь в соседнюю комнату. – Давай туда! И чтобы на тебе ничего не было, когда я приду!

Зойка согласно закивала и на полусогнутых шмыгнула в соседнюю комнату.

– Это тебе! – с улыбкой пьяного идиота протянул ему наполненную стопку Косой.

– Заслужил! – хмыкнул Горемыка.

Но в тот же миг ему стало не до смеха. Фурман направил на него стволы, шевельнул пальцем на спусковом крючке.

– Эй, ты чего? – обомлел Горемыка.

Не отвечая, Фурман взял в прицел Косого.

– А ты почему Зойку не остановил? – Вопрос прозвучал зло, с осуждением.

– Э-э... Она же дура. Пальнуть могла...

– И я пальнуть могу! Не веришь?

– Э-э... Нельзя так!

– Мне можно. Мне человека завалить, как два пальца об асфальт!

– Слышь, не надо... – мотнул головой Горемыка.

– А ты чего за меня молчал? – наставив на него стволы, свирепо спросил Фурман. – Зойка меня завалить хотела, а ты молчал! Скажи, кто ты мне после этого?

– Да не стала бы она стрелять, – опустив голову, подавленно буркнул Горемыка.

– Козел ты! И ты, Косой, козел... Ладно, на первый раз прощаю. Еще раз повторится такое, пристрелю! Вопросы?

– Все, мы так больше не будем, – совсем скис Косой, продолжая держать в руке стопку. Рука так тряслась от страха,

что половину водки он разлил.

– Не будем, – размяк и Горемыка.

– Что ж, тогда – мир и дружба! – Фурман забрал у Косого стопку и с молодецкой бравадой осушил ее.

– Как там с ней на лыжах? – кивнул он в сторону комнаты, где скрылась Зойка. – На поворотах не заносит?

– Да нет, все путем, – расплылся в улыбке Косой.

– И на лыжах ништяк, – в том же духе отозвался Горемыка. – В паруса дует, будь здоров. Давай, не теряйся!

– А кто теряется? У меня с этим без проблем!

В соседней комнате мебели не было вообще. Хлам по углам, грязный матрас на замусоленном полу, а на нем Зойка – в чем мать родила. Лежит на спине, ноги согнуты в коленях и разведены в стороны. Несвежая она, затасканная, но все равно у Фурмана дух захватило – ведь он впервые видел перед собой живую голую женщину, которой можно овладеть прямо сейчас. Прямо здесь.

Но перевозбуждение сыграло с ним злую шутку – стоило ему раздеться, как желание вдруг умерло. И как ни пыталась Зойка оживить его, ничего не выходило...

Уж лучше бы он застрелил ее, чем такой позор.

Глава 2

«Киндзмараули», «Саперави», «Хванчкара»... Вино из самой Грузии, из лучшего винограда, настоящее на солнце, одобренное чистейшим горным воздухом. Джумбери смотрит на все это богатство с показным восторгом, ему сейчас не до вина. Ему бы вмазаться, по вене ударить. Да и сам Ростом не прочь ширнуться.

Баня роскошная – гранитный пол, мраморные колонны, греческие фрески на стенах. В трапезной накрыта роскошная поляна, здесь только Ростом и Джумбери. Девочки уже заказаны, ждут своего часа, но сейчас не до них. После парилки хорошо бы взбодриться, а для этого у Ростома есть морфий. Аптечный, в ампулах.

Вино принято расхваливать, подслащивать его вымыслами, легендами, замешивать на нем тосты. Но с наркотиками все по-другому. Ростом просто достал ампулу, шприцы, молча зарядил один, протянул его Джумбери, второй приготовил для себя. Не надо ничего говорить, нужно просто колоться...

Доза оживила Джумбери. Даже парилка не смогла снять бледность с его лица, а сейчас щеки его порозовели.

– Спасибо тебе, дорогой, хорошо меня встретил. Вижу, что уважаешь...

– А как ты думал, Джум! Дни считал, когда ты выйдешь.

Мы же с тобой братья, должны заботиться друг о друге.

– Правда твоя, Ростом. Если не будем держаться друг друга, сожрут. Тяжелые времена настали. Но ничего, я все равно рад, что на свободе. Ты же знаешь, у меня за колючкой настоящий санаторий. А здесь опасно. Да, опасно. Но ты должен понимать, что я ничего не боюсь. Стар я уже, чтобы бояться...

Ростому недавно исполнилось сорок четыре года, а гостю было далеко за пятьдесят. Джум не просто в законе, он более влиятельный вор, к его слову прислушиваются даже славянские законники. К тому же он когда-то короновал Ростом.

– Ну, какие твои годы! Мы еще на твоём юбилее выпьем! И на одном, и на другом...

– Сейчас давай выпьем! – показал на вино Джумбери.

Ростом наполнил рог, подал его гостю, и себя не обделил. Сначала он поднял тост за Джумбери, затем за дружбу настоящих мужчин. Потом слово взял гость.

– Сидят на том свете два грузина. Один опрокидывает свой кувшин, а тот пуст. «Вот и все, – с печалью говорит он, – на земле меня уже забыли...» Так выпьем за то, чтобы наши кувшины никогда не пустовали! Чтобы нас всегда помнили!

Тост Джумбери произносил весело, но без задора. Печаль чувствовалась в его глазах. Может, какое-то предчувствие одолевает?

– Мы не на том свете, дорогой! – мотнул головой Ростом. – Мы еще сами можем о себе напомнить.

– Верно говоришь, мы еще можем... Но если вдруг что со мной, не забывай меня...

– Что на тебя нашло, Джумбери?

– Ты же знаешь, я не трус и не боюсь ничего. Но времена нынче мутные. Амирама убили, Гиви погиб, Гедемос, Арсен, Квежо, Гога... Всех и не назовешь. Отстреливают нас, конкретно отстреливают. И славяне против нас, и менты. Я смерти не боюсь, уже достаточно пожил. Но все равно душа не на месте...

– Действительно, времена мутные. Когда это было, чтобы вора безнаказанно убивали?

– Деньги. Всему виной деньги... Ладно, не будем о плохом. Ты, говорят, конкретно на Репчино завязан?

– Правильно говорят. А что такое? – насторожился Ростом.

– Еще говорят, что засиделся ты, – внимательно посмотрел на него Джумбери. – Домой, говорят, пора.

– А я и на воле как дома, так что не надо тут!..

– Да ты не кипиши, нормально все. Я здесь, я с тобой, никто на тебя не наедет, и по ушам не дадут...

– За что по ушам? – вспылil Ростом. – За то, что вобщак хорошее лавэ сливаю? Ты скажи, кто против меня все это фуфло двигает? Может, Придони?

– Нет, Придони – большой человек. Если что и скажет, только в глаза. Не буду говорить, кто.

– Почему?

– Не скажу, и все.

– Твоя воля. Обидно, брат. Два лимона в год я с рынка снимаю! Два лимона!

– Говорят, можно и пять.

– Скажи, кто это говорит, я ему в глаза посмотрю!

– Не скажу, кто именно, но слухи идут. Ты же знаешь, я совсем недавно откинулся, много чего не знаю.

– Тот, кто бочку на меня катит, тоже ничего не знает. Со Спартака много не возьмешь.

– Спартак? Он рынок держит?

– Он. Три года назад его взял, до сих пор держит. И очень крепко.

– Почему с него много не возьмешь?

– Потому что там, на рынке, у него – темный лес. Не поймешь, кто и сколько ему отстегивает. Он скажет, что двадцать процентов мне отстегивает, а как проверишь?

– Очень просто. Ты смотрящий, ты и должен смотреть. Через тебя все должно проходить.

– Не буду же я за контролерами ходить, спрашивать, кто сколько взял! – разнервничался Ростом.

– Людей своих поставь.

– Спартаку это не понравится, психануть может. А если психанет, тогда вся лавочка накроется.

– Ты вор, а он кто такой? Психанет! – презрительно поморщился Джумбери. – Он тебя бояться должен. Как огня должен бояться! А я смотрю, ты сам его боишься.

– Не боится он меня. Он вообще никого не боится. У него бойцов полсотни. Сам на рожон не лезет, но, если что не так, особо не церемонится, сразу мочит. В девяносто третьем с чеченами схлестнулся и, пока всех не выкосил, не успокоился. Дмитровских разогнал, варшавских... В девяносто четвертом залетные были, рынок хотели взять, борзели выше крыши, так всех по весне под снегом нашли. С таганскими воевал, с балашихинскими, с подольскими конфликт серьезный был. Но ничего, как стоял на рынке, так и стоит...

– Так то таганские, а ты – вор!

– За таганскими Расписной стоит, а ты знаешь, какая это величина.

– Расписной? Ну да, ну да...

– Я и говорю, Спартак ничего не боится. Ему, кроме рынка, ничего не надо. Он в девяносто третьем бизнес конкретный отбил в Москве, так ничего себе не оставил, налево все толкнул, а деньги в рынок вложил. Принцип у него такой – чужого не надо, но и своего не отдам.

– Чужого не надо, если своего много... Наслышан я об этом рынке. Все наслышаны. Большой рынок, людей много, большие деньги крутятся... очень большие. А ты всего два лимона с него снимаешь. Хотя мог бы пять... Ну да ладно, мы с этим делом разберемся. Подъедем к Спартаку, поговорим с ним, людей подтянем, если что... Я так понял, он тебе конкретно платит, без процента. Что ж, пусть так и дальше платит, если процент не определить. Пять лимонов с него

возьмем.

– Я бы не стал этого делать, – предостерегающе покачал головой Ростом.

– Так мы и не будем ничего делать. Пока не будем. Сначала посмотрим, что да как, конь к Спартаку наведем. Может, где-то что-то у него не так, может, на этом его и опустим. Ты знаешь, как такие дела делаются. Но это будет потом. А сейчас у нас проблема с «Витязем». Мне приказали эту проблему решить. Ты поможешь мне сейчас, я помогу тебе потом...

Слышал Ростом про это московское казино, знал, что крутые люди его держат. Но батумскому клану позарез нужен этот объект, поэтому, не успев Джумбери выйти на свободу, как Придони загрузил его этой проблемой.

– Ты уже как-то пытался решить вопрос? – стараясь не выдать волнения, спросил Ростом.

Не хотел он связываться с «Витязем». Зачем ему этот геморрой, если у него есть Репчино, где все тихо и спокойно. Спартак отстегивает исправно, и суммы приличные. А тут заварушкой пахнет... Потому и невесел Джумбери, что связался с этим делом. Видно, неспроста его плохое предчувствие мучает.

– Был у меня разговор с этими людьми, – неприязненно поморщился вор. – Пока они меня не очень поняли. Но ты же знаешь, я умею уговаривать. И эти никуда от меня не денутся.

Джумбери хотел еще что-то сказать, но вдруг за дверью

простучала автоматная очередь.

Оба сразу поняли, что произошло. Но Ростом оказался и сообразительнее своего гостя, и проворнее. Он резко поднялся, опрокидывая стол, и бросился в сортир. Закрывая за собой дверь, увидел, как в трапезную вламываются люди в черном, в масках, с автоматами. Снова прогрехотала очередь. Пули наверняка достались Джумбери, но как тот падал, Ростом уже не увидел. Надо было срочно выбираться из сортира. Дверь деревянная, ее легко выбить, так что счет шел на минуты, если не на секунды.

Окно под потолком не открывалось, но Ростом не растерялся, схватил бачок для использованной бумаги и выбил им стекло. На то, чтобы вытащить из рамы осколки, времени не было; он полез так, глубоко расцарапывая себе живот. Осталось только втащить в окно ноги, когда киллеры стали стрелять через дверь. Одна пуля ранила его в голень. Но все-таки Ростом отделался малой кровью...

* * *

Новенький «шестисотый» «Мерседес», снизив скорость, свернул с дороги к больничному контрольно-пропускному пункту. Вихрастый охранник выскочил из будки и с озадаченным видом уставился на машину. Номера вроде бы неизвестные, пропуска на стекле нет, но ведь это «Мерседес»! «Шестисотый»! На таких машинах ездят только крутые, а с

этой кастой лучше не связываться. Тут к первой иномарке пристроилась другая, чуть попроще, но все же очень дорогая, с тонированными стеклами.

Из раздумья охранника вывел водитель, нажав на клаксон. Парень пугливо кивнул и отпустил шнур, на котором держался шлагбаум. Путь свободен. Иного Spartak и не ожидал, слишком хорошо знал он людей, с их страхами и сомнениями.

Машина остановилась у главного корпуса. Он не стал дожидаться, когда телохранитель откроет перед ним дверь, сам выбрался из салона. Не в его это стиле – строить из себя барина. Подчиненным он спуску не дает, за провинности наказывает жестко, но никто не скажет, что Spartak зазнался, презирает своих людей.

Простоком его тоже никто не назовет. Высокий, осанистый мужчина с короткой модельной стрижкой, в безупречном строгом костюме и в черной водолазке с воротничком-стойкой, туфли начищены до блеска, часы «Патек Филипп» на руке. И ведет себя, как подобает солидному, представительному мужчине. Высокомерием не страдает, но держится властно, уверенно и совершенно независимо.

Дежурная медсестра даже не попыталась удержать его, когда он входил в отделение, про халат ничего не спросила, хотя его не было и в помине. А где находится Ростом, ответила сразу и без запинки.

Вор лежал в отдельной палате, но без охраны. Spartaku

это не понравилось. Если на Ростом покусались, ему никак нельзя оставаться без присмотра.

Ростом вымученно улыбнулся, глядя на гостя. Видно, что состояние у него не очень и в глазах тревога.

– Что случилось, уважаемый? Почему весь в бинтах? – участливо, но без всякого благоговения спросил Спартак.

– Да вот, пуля в ноге. И живот расцарапал...

– Стреляли, говорят...

– Джума убили.

– Не знаю такого.

– Точно не знаешь? – внимательно посмотрел на него вор.

– Ты меня в чем-то подозреваешь? – возмутился Спартак.

– Да нет, не подозреваю, – замялся Ростом.

– Ты не темни, говори начистоту. Если в чем-то подозреваешь, так и скажи. Я тебе расклад по всей теме дам, и ты поймешь, что я тебе не враг. Да ты и так это понимаешь. Не для того я тебя три года прикармливал, чтобы убивать.

– Ты меня прикармливал?

– Ну, что-то в этом роде, – не смутился Спартак. – Мне проблемы с ворами не нужны, поэтому ты легко получал свое. И дальше получать будешь. И охрана у тебя будет, нельзя тебе сейчас без охраны.

– Всех ребят моих положили, падлы... – удрученно вздохнул вор. – И я знаю, кто это сделал.

Он явно ждал, что Спартак клонет на эту замануху, но тот ничем не проявил свой интерес. Ростом получал долю

в свой общак, время от времени помогал ему разруливать ситуацию, но все-таки у него свои дела, и в них лучше не лезть. Своих проблем хватает.

– Беспредел это, Спартак, – не дождавшись правильной, на его взгляд, реакции, продолжил Ростом. – Джум законным вором был, а его убили. И на меня покушались.

– Времена нынче такие, – уклончиво ответил Спартак. – Сплошной беспредел.

– Ну, времена не времена, а за вора особый спрос.

– Понятное дело.

Всем своим видом Спартак давал понять, что не собирается решать воровские проблемы. У Ростова свой клан, там свои торпеды, пусть их и выводят на цель.

– Джум на «Витязь» наехал, оттуда уши растут...

– «Витязь»? Казино? – сухо спросил Спартак.

– Да, казино.

– Был. Знаю.

Там и казино, и ночной клуб, и место отличное, в районе Садового кольца. Публика солидная, уважаемая, и деньги большие крутятся. Потому и нашла воровская коса на камень...

– Надо спросить с этих ребят, – с надеждой посмотрел на него Ростом.

– Надо. Обязательно надо. Чтобы другим неповадно было.

– Ты бы мог решить эту проблему, – осторожно посмотрел на него вор.

– Какую проблему?

– С «Витязем». Ну, с теми, кто за ними стоит.

– Что, вот так просто взять и всех их тупо сделать?

– Не тупо, а по уму. Ты можешь, я знаю.

– Ты знаешь, а я не знаю. Всех ваших раскладов не знаю. И не знаю, кто вашего Джума завалил. Ты говоришь про «Витязь», но я не уверен, что это они. Может, кто-то другой, а может, это с тобой вопрос решить хотели, откуда я знаю?

– Может, и со мной, – закусил губу вор.

– Я в ваши воровские дела не лезу и на сходах у вас не бываю. Ты, Ростом, личность уважаемая, мы с тобой душа в душу живем, но в свои дела меня не втягивай. Не воровской я человек.

– Но ты мог бы им стать. Человек ты сильный, авторитетный. На тебя можно ставку сделать. Назначим тебя положенцем, посмотрим, как себя вести будешь, а там, глядишь, и коронуем...

– Звучит, конечно, заманчиво...

Спартак прекрасно понимал, что титул вора в законе придаст ему вес в подлунном мире. «Кто репчинский рынок держит?» – «Спартак, он в законе». – «Ну, если в законе...» На этом весь разговор и закончится. А рынок этот – серьезное предприятие, покруче всяких там «Витязей», и желающих поиметь с него не уменьшается, а скорее наоборот.

– Но я на зоне ни одного дня не пробыл, какой из меня вор?

– А три года в дисбате?

– Там не зона, там армия строгого режима, – усмехнулся Спартак. – Все не то... Вор – это очень серьезно. И не сделаешь ты меня вором. «Апельсином» сделаешь, а вором – нет. «Апельсином» я быть не хочу. Не хочу, чтобы надо мной смеялись.

Ему приходилось встречать на своем веку двадцатилетнего вора в законе. Грузина, само собой. Видно, денег у него много было, потому и короновали. Но то не вор был, а одни понты. Конечно, и среди кавказских блатарей есть очень серьезные люди, но все-таки шелупони в их среде больше, чем среди славянских законников. Потому и называют скороспелых воров «апельсинами», что этот фрукт растет в Грузии, а не в России.

– Никто не будет над тобой смеяться. Спросишь за Джума, за меня, и над тобой никто не будет смеяться. Докажешь всем, что ты очень серьезный человек.

– Все это слова, Ростом. Извини, но я в эти дела лезть не стану. Да ты и без меня справишься, у тебя есть люди. И у твоих братьев есть люди. Вы обязательно что-нибудь придумаете...

Ростом понял, что не смог убедить его, но без боя сдаваться не хотел.

– У меня проблемы из-за тебя. Мои братья считают, что ты мало отстегиваешь на общак...

– Ты тоже так считаешь? – настороженно повел бровью

Спартак.

– Ну, если бы я так считал, я бы тебе сказал, – замялся вор.

– Так ты и говоришь... Ставку хочешь поднять?

– Ставку можно оставить прежней. Но ты должен решить вопрос с «Витязем».

– Если я что-то должен решить, давай собирай своих. Я приеду, мы поговорим. Извини, но проблема чересчур серьезная, чтобы решать на твоем уровне. Тут сход нужен, очень серьезная постанова нужна...

– Все правильно говоришь, Спартак. Сход нужен. Будет тебе сход, – не очень уверенно сказал Ростом. И закрыл глаза, показывая, как ему плохо, и давая понять, что разговор закончен.

Действительно, ему нечего было больше сказать упрямому Спартаку, а толочь воду в ступе – дело не царское, и пустозвоном прослыть можно, а это громадный минус к авторитету.

Глава 3

Немецкая овчарка – собака серьезная, а если их две, то шансы беспрепятственно проникнуть в дом уменьшались, казалось, до нуля. Но Фурман знал, что делать. Не зря он мотал срок, общался с бывалыми людьми. Сидел с ним один домушник, спец по кражам из частных домов. Он-то и научил, как прикармливать собак. Берешь мясо, тщательно пережевываешь его и бросаешь этот комок псу. Собака пожирает мясо со слюной человека, который после этого становится для нее своим.

Только вот овчарки поначалу отказывались есть приманку, которую Фурман подбрасывал им через забор. Три ночи ушло на то, чтобы они наконец привыкли к нему и сожрали подачку.

Фурман врага своего вычислил быстрее, чем его собак приручил. Он узнал, как зовут крутого, на кого он работает, выследил его, ночью пошел к его дому со стороны реки. Забор там высокий, но штaketный, и огород виден, и собаки, которые бегали по ночам по всему периметру ограды.

Первую ночь овчарки нещадно лаяли, учуяв чужого. Трюфель пару раз выходил из дома с ружьем наперевес, даже к задней калитке подходил, но Фурман умел прятаться. Со временем лай становился все менее злобным, и Трюфель перестал выходить. А на третью ночь собаки все-таки отведали

хлебушка «с приворотом». И сегодня Фурман рискнул перепрыгнуть через забор.

Псы бросились к нему, и он едва удержался от соблазна выстрелить в них из обрез. Два патрона в стволах, по жакану на морду... Но все обошлось. Одна овчарка лизнула его, другая. Ждали, когда он их угостит чем-нибудь вкусненьким. А у него мясо в кармане, пережеванное и со специальным ядом, который он раздобыл в службе отлова бродячих собак. Очень много времени ушло на этих псов, и Фурману вдруг стало жаль их убивать. Но сам он с Трюфелем не справится – нужно открыть дорогу пацанам, а для этого нужно было покончить с овчарками.

Они доверчиво сожрали приманку, потом вдруг легли на землю, гавкнули от скручивающей боли, судорожно скрючились и вскоре затихли. Трюфель даже не появился. А ведь он дома – и машина во дворе стоит, и свет в окнах горит.

Фурман дождался, когда собаки околеют, подал знак, и забор затрещал под тяжестью могучих тел Горемыки и Косого. От них крепко пахло водкой, несмотря на то что Фурман запретил им пить. Не очень-то они хотят подчиняться ему, но ничего, он заставит...

– Вот, суки, уже нажрались, – тихо, сквозь зубы процедил Юра.

– Так для храбрости же, – ухмыльнулся Горемыка.

– Заткнись! – шикнул на него Фурман.

Через забор перевалился и Моток, смелый малый из бри-

гады грузчиков. Этому всего двадцать, только-только из армии, и голова варит, и послушный. И перегаром от него не тянет: он единственный из троицы, кто полностью подчинялся Фурману. Моток знал, что предстоящее дело пахнет мокрой, но пошел на него без всяких сомнений. Это радовало и обнадеживало.

– Все в сборе? Тогда за мной! Только тихо!

Узнав, что Трюфель состоит в команде Робинзона, Фурман не очень удивился, даже немного обрадовался. Все-таки не простой смертный его унизил, а это хоть как-то сглаживает острый угол. Сейчас он и вовсе снесет его, вместе с головой самого Трюфеля. И плевать на всяких там Робинзонов!

Трюфель явно не тянул на статус центрального бандита, поэтому об особняке на водохранилище мог только мечтать. Дом у него далеко не самый большой, полуторазэтажный, в частном секторе. Видно, что новый, огород пока не ухоженный, бурьян до пояса, но ведь это хорошо, легче подкрасться.

Фундамент высокий, а Фурман хотел заглянуть в окно, посмотреть, что там. Но Моток понял его с полуслова, нагнулся, подставил спину, и Горемыка помог Юре взобраться на него.

Моток хоть и не такой габаритный, как тот же Горемыка, но все равно крепкий малый, даже не шелохнулся под тяжестью Фурмана. Опора и надежда.

Окно было завешено белым тюлем, но шторы не сдвинуты, поэтому хозяев было хорошо видно. Двое на диване си-

дят, он и она, за журнальным столиком. Одной рукой он обнимает ее, другой расстегивает халат... Волосы у девушки длинные, темно-русые. Уж не та ли красавица из ресторана?

Увы, эту диву Фурман выследить не смог. И как зовут, не узнал. Но ничего, сегодня у него отличная возможность познакомиться с ней. Уж с этой красоткой, не то что в случае с Зойкой, осечки точно не произойдет. Слишком высокое в ней напряжение, чтобы ослабла разность потенциалов. Да у него уже «трансформатор» гудит от одной только мысли, что может сделать с ней Трюфель. Вот он уже снимает с нее халат...

Решеток на окнах не было, но все равно в дом так просто не проникнешь. Трюфель всполошится, пока Фурман будет выбивать стекло, у него волына, и на этот раз он будет стрелять, а не бить.

Дверь в дом была закрыта на замок. Железная дверь. Ее даже кувалдой не выбьешь. Значит, снова нужно возвращаться к окну, но к другому, с правой стороны дома. Окно там одно, небольшое, зато над ним проходит газовая труба.

Фурман добрался до трубы, зацепился за нее, подтянулся и встал ногами на подоконник. Накрыв голову курткой, ударил всем телом и, разбив двойное стекло, провалился в темную комнату. Судя по всему, это была кухня. Вместе с ним упал на пол и обрез, вывалившийся из-за пояса. Но к тому времени как Трюфель, встревоженный шумом, вышел в холл, он уже подобрал оружие.

Трюфель был без волины и стоял в освещенном холле, в то время как непрощенный гость находился в темной комнате.

– Руки в гору, козел! – заорал Фурман. И, не дожидаясь, когда хозяин подчинится, нажал на спусковой крючок. Вернее, страх перед ним толкнул его к выстрелу. Вдруг Трюфель придумает способ, как вывернуться...

Жакан попал бандиту в живот, он упал, скорчившись от боли, засучил ногами и захрипел, с ненавистью глядя на Фурмана, вышедшего к нему на свет.

– Узнаешь?! Узнаешь... Хорошо, что узнаешь. Хоть знать будешь, кто тебя, падлу, грохнул!

– Тебя... Тебя самого грохнут... – зажмурив от боли глаза, простонал Трюфель. – Ты даже не представляешь... не представляешь, с кем связался... Еще пожалеешь...

– Может быть, но только после тебя.

В холл, запахивая халат, неосторожно вошла девушка. И остолбенела, глядя на едва живого Трюфеля. Это была та самая темно-русая красотка. Фурман глумливо оскалился и навел на нее ствол обреза.

– Не надо! – в ужасе пискнула она, вжимаясь спиной в дверной косяк.

– Тут один только ствол заряженный. Как раз для тебя. Постреляем?

– Н-нет...

– А кто тебя, коза, спрашивать будет? – Фурман упивался своим могуществом. – Кто в доме?

– Паша... Я... – жалко пробормотала девушка.

– Кто «я»?

– Рита.

– И все, больше никого?

– Никого.

– А я?

– Э-э...

В дверь вдруг постучали, и в глазах Риты на мгновение вспыхнула надежда. Но Фурман знал, кто ломится в дом, и приказал:

– Открой!

Девушка надеялась на подмогу, а увидела Горемыку и Косого.

– Ух ты! Уже? – глянув на притихшего Трюфеля, спросил Горемыка.

– У-тю-тю-тю! – показал девушке козу Косой.

От одного только их вида у нормального человека могла начаться икота, а у Риты даже волосы зашевелились на голове.

Моток зашел в холл из кухни, в точности повторяя путь Фурмана. Не поленился, не испугался, в отличие от своих неповоротливых дружков. Рита и на него глянула, но не шарахнулась, как лошадь от волка. Не мог он ее напугать сильнее, чем Горемыка и Косой. Да и выглядел парень вполне нормально. Круглолицый, курносый, в глазах ирония – жесткая, но не злая. Жилистый, тяжелокостный, движения мощ-

ные, уверенные. Хотел бы Фурман, чтобы Моток стал его правой рукой.

Он откинул стволы обреза, забил в пустой ствол патрон, вернул все на место и взвел курки. Оружие протянул Мотку, движением головы показывая на едва живого Трюфеля:

– Добей!

Моток, соглашаясь, кивнул, но обрез не взял. Вышел в комнату, вернулся с большой пуховой подушкой в руке, бросил ее на голову Трюфелю и только тогда забрал у Фурмана оружие. Приставив стволы к голове жертвы, он без содрогания нажал на спусковой крючок.

Подушка оказалась отличным глушителем – выстрел прозвучал совсем негромко.

– Соседи вокруг, могли услышать, – будто оправдываясь, сказал Моток.

– В натуре, – озадаченно почесал затылок Фурман, глядя, как из-под лопнувшей головы Трюфеля расплзается лужа крови.

– Я там смотрел, ну, когда сюда лез, окна в соседнем доме не зажглись, – продолжал Моток. – Ты стрелял, но, похоже, никто ничего... Может, я еще пойду гляну, что там да как, а?

Вернув Фурману обрез, он шагнул к лестнице на второй этаж, шлепнув по пути Риту по мягкому месту. Девушка скривилась от омерзения, но не взвизгнула. Похоже, она уже поняла, что никуда ей от судьбы не деться.

Моток поднялся на второй этаж, а Фурман кивком головы

показал Рите, чтобы она прошла в гостиную, где только что безобразничала с Трюфелем. Там просторно, и стол накрыт – шампанское, виски, разносолы. Окна выходили в огород, и соседям не видно, что происходит в доме. Но на всякий случай он велел Горемыке зашторить окно. Тот беспрекословно подчинился. Хоть и Моток добил Трюфеля, но завалил его все-таки Фурман. Он своей цели добился, и теперь Горемыка, считай, его раб. Договор, как говорится, дороже денег.

Моток будет наблюдать за подступами к дому со второго этажа, Косого Фурман отправил обследовать подвал, а Горемыку вернул в холл, следить за двором. Уходя, тот облизнулся на виски, но Юра показал ему кулак. Не сейчас. Он усадил Риту на диван, сел на место Трюфеля и обнял оцепеневшую от страха девушку. Та даже не пыталась отстраниться, отодвинуться. Зачем, если все равно догонят?

– Ну вот, теперь я твой хозяин, – развязно проговорил Фурман.

– Паша не был моим хозяином, – жалко пролепетала девушка.

– А кем он тебе был?

Фурман потянулся к бутылке виски, налил и себе, и ей. Он заслужил право немного расслабиться – и с девочкой, и вообще. Впрочем, можно обойтись и без виски, Рита и без этого пьянила его воображение.

– Мы... Мы собирались пожениться.

– Ты с ним спала?

– Это личное...

– Я – твое личное! – Одной рукой Фурман сжал ей шею, а другой – расстегнул халат. Как он и ожидал, под ним ничего не было.

– Не целка ты, а замуж собираешься! И не стыдно?

Рита попыталась запахнуть халат, но быстро сдалась: слишком крепкими оказались его объятия, задохнуться в них можно было в прямом смысле.

– Не стыдно тебе, – возбужденно шептал Юра, – потому что ты – шлюха!

Рита не смогла устоять перед его натиском, раздвинула ноги. Фурман навалился на нее, но... все повторилось, как и в случае с Зойкой. Очередной прокол.

– Шлюха ты! – взревел он, вскакивая со своего места, и схватился за лежащий на столе обрез, направляя стволы на Риту. Свой позор он мог смыть только кровью. Ее кровью!

Похоже, она поняла, что жить ей осталось пару мгновений, и зажмурилась от страха. Но все-таки попыталась схватиться за соломинку.

– Не надо! Я все скажу!

– Что скажешь?

– Где деньги, скажу... Только не убивайте!

– Деньги?! – по-настоящему удивился Фурман.

Он пришел в этот дом убивать Трюфеля, чтобы его смертью сцементировать свою бригаду, которая нужна ему для лихих дел. Он собирался работать с богатыми жертвами, раз-

водить их на деньги, а в случае с Трюфелем как-то упустил такую возможность. Допускал, что у него могут быть деньги, но думал об этом в последнюю очередь.

– И много?

– Я не знаю... У него там комната в подвале...

– Пошли! – Юра схватил Риту за волосы и стащил ее с дивана.

Она впопыхах запахнула свой халат, и они спустились в подвал. Навстречу им вышел Косой.

– Нашел что-нибудь? – спросил Фурман.

– Да нет, дрова одни, хлам всякий...

– Сейчас посмотрим, какой здесь хлам! Ну! – Одной рукой Фурман толкнул Косого, чтобы он освободил проход, другой – потащил за собой Риту.

Дверь в потайную комнату находилась в котельной. Отопительная установка работала на газе, но здесь же, на дощатых полках с фанерной задней стенкой, хранились дрова для камина. Стеллаж этот, оказалось, отъезжал в сторону. Не было никаких кнопок, и электроприводом не пахло. Просто нужно было толкнуть стеллаж, как вагонетку. Рите сил не хватало, а Косой сделал это запросто. Дверь, правда, была железная и замок солидный, но девушка подсказала, где взять ключ. Косой сходил наверх, сорвал его с шеи покойника, вернулся, вскрыл тайник. А там...

Фурман даже присвистнул, разглядывая обретенные богатства. Сейф, вмонтированный в стену, рядом с ним шкаф,

в котором за фанерными дверцами стояли короткоствольные автоматы и помповые ружья. На полу два ящика, в одном пистолеты отечественного производства, в другом – чисто импорт. Фурман взял один пистолет, повертел его в руках, прочел маркировку на затворе: «U.S. 9mm M9-P. BERETTA...» Вот, значит, какая ты, «беретта». Слышал он об этом пистолете, но в руках держал его впервые.

– Я так понял, у них здесь арсенал, – осклабился Косой.

– И казна...

А что, Трюфель запросто мог быть хранителем общака, а заодно и арсенала. Дом ему для этого дела построили, тайник оборудовали. А он, дурак, бабе своей открылся... А может, она сама его выследила? Бабы – народ любопытный.

Впрочем, без разницы, как Рита узнала об этом богатстве. Главное, сейф сейчас открыть. А на шее у Трюфеля только один ключ.

Фурман знал немало чудаков, которые кладут ключ от дома под коврик у двери, и Трюфель оказался одним из них. Ключ от сейфа он спрятал под полкой оружейной пирамиды – закрепил его клейкой лентой, и вся недолга.

Ларчик открывался просто, и Фурман увидел в нем кожаный саквояж, доверху набитый деньгами. Пачки из пятидесяти– и стодолларовых купюр. И новенькие банкноты здесь, и бэушные – все вперемешку. Сумма впечатляла – триста восемьдесят тысяч долларов!

– Вот подфартило! – ликовал Косой.

– Какой фарт? – с напускным презрением поморщился Фурман. – Фарт – это для лохов. А я точно знал, что нам здесь реальный куш обломится. Точно знал, понял? Так что никакой это не фарт, а конкретный результат! – Он сложил деньги в кейс, защелкнул его, поднялся на ноги и повернулся к Рите: – Ты хоть знаешь, что с тобой Робинзон сделает?

– За что? – всполошилась она.

– Как за что? А кто на общак показал? Ты. За это тебя живьем закопают, и черти будут жрать! Ты лежишь в земле, вся такая красивая, а они со всех сторон лезут. Во все щели! И жрут, жрут...

– Я не хочу! – едва живая от страха, пролепетала она.

– Тогда тебе сматываться надо.

– Куда?

– Не знаю.

– Я тоже не знаю.

– Хочешь, поехали с нами!

– Куда?

– Куда-нибудь. Там «бэха» во дворе стоит. Где ключи, знаешь?

– А вы меня с собой возьмете? – быстро отреагировала Рита.

– Ну, если хорошо попросишь...

– Попрошу... – прошептала она, склонив голову. – Но только если с тобой...

– Заметано! – торжествующе оскалился Юра.

Рита не дура, поняла, в какую историю вляпалась, и теперь пытается выкрутиться из нее. У Фурмана деньги, оружие, машина, с ним ей будет неплохо. Но только с ним. На «групповуху» она не согласна. Но так ведь и он не хочет, чтобы пацаны ее затоптали. Она станет его персональной любовницей. И пусть кто-нибудь скажет что-то против...

Фурман мотал срок и знал, как менты вычисляют преступников по их следам. Поэтому прежде чем уехать, он произвел в доме уборку и стер все «пальчики», которые мог оставить сам или его пацаны. И следы ног с подоконника стер. Осколки стекол собрал, окно заделал фанерой так, будто это было делом рук хозяина дома. Даже трубу, за которую держался, и ту подчистил. И еще забрал с собой трупы собак. Но главное, тщательно протер обрез, после чего силой вложил его Рите в руку. Оружие с отпечатками ее пальцев забросил далеко в огород, с расчетом что его обязательно найдут и сделают соответствующие выводы.

Теперь Рита от него точно никуда не денется. Она застрелила Трюфеля и сбежала с общаком. Она понимает, что искать ее будут и менты и братва. И только Фурман может быть залогом ее спасения.

Глава 4

Машина легко летела по ночному шоссе. Яркие фары разгоняли темноту, мягкие подвески уверенно гасили неровности дороги. Скорости переключаются автоматически, не надо постоянно дергать рычагом – крути руль, жми на газ, и все дела.

Тартарынь осталась позади, впереди – Москва и казачья вольница. А рядом, только руку протяни, сидела красавица Рита. Фурман чувствовал себя так, словно за спиной у него выросли крылья.

Водить машину он научился в ПТУ, которое так и не закончил. Специализация у него была что надо – водитель категории «С», «D» и «E». Тогда ему казалось, что это его призвание. Ведь «фурманами» в старину называли извозчиков на фуре, большой конной повозке. Вот и гонял бы он фуры по большим дорогам. Но не судьба...

Ни прав у него нет, ни паспорта. В ментовке отметился, справку сдал, но документы получить не успел. Ничего, от Москвы до Тартарыни всего-то шестьсот километров; ночь на машине, и уже на месте. Как-нибудь съездит в родные края, заберет паспорт. Он же не в розыске. В отличие от Риты...

А пока все складывается отлично – деньги в багажнике, ствол под рукой, девка клевая под боком, настроение на вы-

соте.

Но все испортил Горемыка.

– Слышь, братан, пусть к тебе Косой сядет, а Ритку сюда давай. Тесно здесь, а она худенькая.

Не трудно понять, что хотел Горемыка. Ритка, она сладкая, теплая, упругая, жаться с ней на заднем сиденье – одно удовольствие. Иначе он сам бы вперед попросился, ан нет, Косого продвигает, хитрозадый потому что и рукоблудый...

– Что, очень тесно? – не снижая скорости, спросил Фурман.

– Ну да, не развернуться.

– А с Риткой легче будет?

– Ну, в тесноте, да не в обиде...

– А ты, Моток, как думаешь?

– Я не знаю, – замялся парень.

Он понимал, что Фурман прибрал Риту к рукам. Неплохо бы, конечно, прижаться боком к чужой собственности, но бригадиру это не понравится. А Фурман для него авторитет, ссориться с ним не резон.

– А ты, Косой, что думаешь?

– Если вперед, я не против...

– А с Риткой позажиматься?

– Ну, если можно...

– Нельзя.

– Почему нельзя? Она что, твоя жена? – возмутился Горемыка.

– Сейчас узнаем... Согласна ли ты, Маргарита Батьковна, взять в мужья Юрия Сергеевича Фурмана?

– Согласна, – недолго думая, ответила Рита.

– Вопросы еще есть?

Но Горемыка не унимался:

– Тесно здесь.

– Ты, браток, не знаешь, что такое автозак. Пассажиров как селедки в бочке, а еще духота, дышать нечем. И сзади кто-то тычется...

– Мы же не в автозаке...

– Логично. Мы дело сделали, банк сорвали. Теперь мы – белые люди и должны жить в комфорте. А для комфорта четыре рыла нужно, а не пять. Пять – это тесно. Так я говорю?

– Ну, так.

– Но ты же потерпишь. Ты же не сахарный, не растаешь, да?

– А если сахарный?

Фурман притормозил, съехал на обочину и остановил машину.

Часть оружия они оставили в доме, но пять автоматов и кучу пистолетов забрали с собой. Фурман велел сгрузить оружие и патроны в багажник, но не смог удержаться от искушения оставить один ствол при себе. Не думал, что «беретта» понадобится так скоро.

Передернув затвор, он резко повернулся лицом к Горемыке и приставил ствол к его щеке. Даже в темноте было видно,

как вытянулось лицо у бедолаги.

– Если ты сахарный, на кой хрен ты нам такой сдался?

– Э-э... Ты чего?

– Сам же сказал, что пятеро – это много. Сейчас от твоего сахарного тела избавимся, и нас будет четверо. Молитвы какие-нибудь знаешь?

Знал Горемыка молитвы или нет, но одно ему было известно точно: Фурман слов на ветер не бросает и ему убить человека ничего не стоит.

– Пощади!

Именно этого Фурман и добивался. Теперь Горемыка словно обьеженная лошадь, брыкаться больше не станет. Какое-то время...

– Еще раз дернешь копытом – убью. Ты меня понял?

– Да, – униженно закивал парень.

– Вот и ладушки! – Фурман спрятал пистолет, снова выехал с обочины на дорогу и, не оборачиваясь, спросил: – Как там, сахарный, тесно тебе или нет?

– Нормально, – подавленно буркнул Горемыка.

– Нормально все, – повторил за ним Моток. – Одна проблема – тачку в розыск могут подать.

– Сечешь фишку, молодца, – кивнул Фурман. – Но до утра вряд ли хватятся. А до утра мы... – Он посмотрел на часы. – Еще километров сто пройдем. Половина четвертого, считай, уже утро. В июне светает рано, небо уже розовеет в ожидании рассвета. А может, и краснеет от стыда за людей...

– А дальше?

– И дальше пойдем. Чего нам бояться?

– А если менты? У тебя ни прав, ни доверенности.

– Вот я и говорю, чего ментов бояться с такой тачкой? Тут такая моща! Ни одна падла ментовская не догонит. А если что, стволы в багажнике. Или трусишь?

– Не хотелось бы связываться. Но, если что, стрелять я умею. Хотя, конечно, лучше без этого...

– Лучше без этого, – кивнул Фурман.

Неблагодарное это дело, воевать с ментами. И необязательное. Но если вдруг что, отстреливаться он будет до последнего патрона. И Моток не подведет. В этом парне Фурман был уверен, а в остальных – нет. Косой и Горемыка казались ему больше балластом, чем реальной силой. Но тот же воздушный шар без балласта в воздух подниматься не станет...

Они проехали еще километров восемьдесят, пока не наткнулись на знак, предупреждающий о ментовском посте. Пост этот миновали через небольшой городок, где в киоске мимоходом купили атлас автомобильных дорог. Дальше уже ехали проселками, избегая встреч с ментами, и на гаишников ни разу не напоролись.

К ночи добрались до Москвы, но в город соваться не решились. Фурман очень устал, поэтому велел располагаться на ночлег.

– Мы с Риткой в машине, а вы охраняйте, – зевая, усмех-

нулся он.

Из дома Трюфеля они забрали несколько одеял, но тогда никто не думал, что они могут пригодиться в дороге. Не до того было. Одеяла взяли, чтобы накрыть ими оружие и саквояж с деньгами. Слабенькая ширма, но все лучше, чем ничего.

На этих одеялах и устроились пацаны, хотя могли обойтись и без них. Погода теплая, сухая, трава в лесу мягкая, земля не студеная. Но главное, Фурман разрешил распечатать две бутылки трофейного виски. С такой радостью хоть на снегу спать можно. И закуска была, в магазине по пути купили, – сыр, колбаса, маринованные огурцы.

Накрыли поляну, раскидали виски по пластиковым стаканчикам.

– Это у нас такая свадьба, – по-хозяйски обнимая Риту, развязно произнес Фурман. – Мы же теперь муж и жена. Или нет?

Она кивнула, соглашаясь, но ничего не сказала. Настроение паршивое, выражение лица такое, что, казалось, вот-вот расплечется. И еще ее колотила внутренняя дрожь. И вряд ли от возбуждения...

– Выпей! Полегчает!

Рита выпила с жадностью, едва закусив кусочком колбасы. Видно, забыться хочет. Но ее можно понять.

Фурман и сам не заметил, как опустела одна бутылка, затем вторая. Хорошо, в багажнике была еще и водка из того

же магазина, где продавалась закуска. Но водку Рита пить не стала. Тогда Фурман повел ее в машину.

Сиденья раскладывались легко, вот бы и с Ритой было бы так же просто. Но девушка отказалась раздеваться.

– Ты что, не поняла? Брачная ночь у нас.

– Принеси одеяло, мне холодно.

Рита лежала на боку, спиной к нему, сжавшись в комок. Мелкая дрожь продолжала изнутри сотрясать ее, даже виски не помогло.

– Я тебя сам согрею.

Сначала он завел машину, потом прижался к ней и, запустив руку под джемпер, нащупал упругую выпуклость.

– Может, потом? – жалобным тоном спросила она.

– Когда потом? Вдруг тебя завтра повяжут или, еще хуже, убьют?

– Не говори так.

– Я вообще молчу.

Он молчал, стягивая с нее джинсы, а она не сопротивлялась. Джемпер стаскивать не решился: не согрелась она еще, но трусики снял, осторожно уложил девушку на спину и вдруг понял, что ничего не сможет... Это был какой-то кошмар!

– Не, если не хочешь, я не буду, – откатываясь в сторону, выдавил из себя Юра. – Да и спать охота... – Он выключил двигатель, прижался к Рите и действительно заснул.

Фурман знал, что есть девушки красивей, чем Рита. И одну такую он видел сейчас перед собой. На него смотрела изумительная красавица с длинными, до плеч, светлыми волосами. Безупречно накрашенные глаза, матовая, без единого изъяна кожа, вишневого цвета губы – большие, четко очерченные, чувственные и наверняка сладкие на вкус. Платье не самое короткое, и декольте неглубокое, но как соблазнительно оно облегает изящную, точеную фигурку! Эта грудь, эти бедра...

Фурман потрясенно смотрел на Риту. Этой красавицей была она. Перекрасила волосы, укоротила их, уложила в прическу, новый макияж, элегантное платье... Он засомневался, что смог бы узнать ее в толпе, во всяком случае, с первого взгляда.

Но Рита сейчас не в толпе, она в квартире, которую снял расторопный Моток. Три комнаты, кухня, все удобства, мебель – для маленькой бригады полное раздолье. Репчино – городок небольшой, до Москвы рукой подать.

Хотелось бы, конечно, снять квартиру в самой Москве, поближе к центру, но там такие апартаменты стоят дорого. Да и леса там нет, куда можно уйти в случае чего. А здесь за домом начинается парковая зона, плавно переходящая в самый настоящий лес. Второй этаж – не высота, выпрыгнул

из окна и убежал. Если не остановят...

К тому же квартира сдавалась вместе с гаражом, куда можно поставить машину. Правда, сейчас он пустовал, потому что не было у них «бэхи». Сгорела она, в том самом лесу, который вывел их в этот городок. Фурман решил избавиться от улики, о чем нисколько не жалел. Хорошая была у Трюфеля машина, но все-таки пятой модели, а он хотел взять «седьмую». Такая «бэха» и посолидней, и покомфортней, да и салон более просторный – пацаны на заднем сиденье тесниться не будут. Деньги у него есть, авторынок найти не проблема.

А обычный вещевой рынок совсем рядом. Там и прибрахлиться можно, а то на Горемыку и Косого смотреть больно – такие они зачуханные. Моток вполне прилично смотрится, но и ему неплохо бы сменить прикид. Так же, как и самому Фурману.

Но пока они собирались прошвырнуться по городу, Рита действовала. И, судя по ее багажу, рынок ей не нужен. И одежда есть, и косметика, и все, что нужно женщине. Но вряд ли она откажется от штуки баксов «на шпильки». И от прогулки по рынку не удержится.

– Держите меня, сейчас упаду! – глядя на нее, расплылся в улыбке Фурман.

Моток уже поменял часть долларов на рубли, купил жратвы, выпивки, на пару с Косым приготовил ужин. Не хотел Фурман начинать новую жизнь с большой пьянки, но все-таки разрешил поставить на стол водку. Сегодня можно, а зав-

тра – ни-ни. Он уже под градусом, и пацаны навеселе.

– Держу! – взял его за плечи Горемыка.

– Не то держишь. И не то упадет, – усмехнулась Рита.

– Пойдем! – побагровел от злости Фурман, взял ее за локоток, отвел в комнату, закрыл за собой дверь и зашипел: – Ты что себе позволяешь?

– Что? – с вызовом спросила она.

– На что ты намекаешь?

– На что?

– Ты знаешь, на что?

– Не знаю...

– Еще раз, и в глаз! Будешь ходить с фонарем! Поняла?

– Поняла.

– Раздевайся!

– А сможешь?

Рита понимала, насколько он опасен, но все-таки бросила камень в его огород. А он вlepил ей за это пощечину. От всей души. Но не сильно, чтобы не испортить красоту.

Она затравленно посмотрела на него, медленно и покорно растегнула «молнию» на платье, стянула его через голову. Движения заторможенные, механические, никакой чувственности в них. И от нее самой веяло не теплом, а холодом. Глядя на девушку, Фурман понял, что у него опять ничего не выйдет.

– Костюм спортивный надень, – упавшим голосом проговорил он. И отвернулся, чтобы не видеть усмешки на ее лице.

– Надену.

– Волосы сама стригла?

– Сама.

– Где научилась?

– Я в парикмахерской работала, женским мастером, – набросив на себя халат, объяснила Рита.

– Да? Я думал, фотомodelью.

– Желания не было.

– А толпу обслужить есть желание?

– Что?! – дрогнувшим голосом спросила она.

– Толпу обслужишь! – Фурман резко повернулся к Рите. – Сначала Моток. Потом Косой, Горемыка.

– Мы же договорились... – запаниковала Рита.

– А не хочу я с тобой! Не нравлюсь я тебе! Другую найду! А ты с пацанами. Хочешь – по очереди, хочешь – сразу!

– Я никак не хочу.

– А со мной?

– Э-э... Хочу.

– Докажи!

– Вообще-то ты мне нравишься, – пересиливая себя, улыбнулась она, приблизилась к Фурману, рукой обвила его шею и губами коснулась его уха. – У тебя волосы плохо растут. Хочешь, я тебя постригу? И массаж сделаю. Я умею.

– Хочу.

– Тогда иди в душ. И хорошо вымой голову.

И еще она попросила его принести чего-нибудь выпить и

закусить. Пообещала накрыть стол в их спальне.

Свое обещание Рита выполнила. Когда Фурман вернулся, свет в спальне был выключен, но горела свеча на журнальном столике, рядом с бутылкой вина, и кровать расправлена. Она при нем скинула халат, оставшись в одной шелковой комбинации на голое тело. Выглядела Рита чертовски сексуально, и еще от нее головокружительно пахло хорошим парфюмом. Фурман разволновался так, что крепленое вино показалось ему компотом.

– Что сначала, стрижка или массаж? – игриво спросила она и взяла в руки ножницы.

– Массаж. – И Фурман послушно лег на живот.

Рита села на него, руками нежно коснулась шеи. Движения мягкие, ласкающие. И голос такой завораживающий.

– Сначала спину, потом живот. Я знаю, все будет хорошо... И у тебя будет хорошо... И у меня... Мы поделим деньги, выгоним всех и уедем с тобой за границу. Купим домик, будем жить. Откроем небольшую парикмахерскую...

– Можно и большую, – поддержал он.

Да, с такой девушкой хоть на край земли. Только денег надо побольше намолотить. Хотя бы пару миллионов. Опыт есть, Москва богатая, одного лоха распотрошить, другого... А потом и за границу можно свалить. Вместе с Ритой. А пацанов побоку. Денег им дать, чуть-чуть, и пусть живут, как и с кем хотят. А он будет тащиться от жизни с Ритой в обнимку. И никаких больше осечек.

– Чем больше, тем лучше...

– Ты извини меня. Ну, за то, что ударил...

– Я сама виновата.

– Я больше не буду. И это, не собирался я тебя на толпу...

Просто хотел, чтобы ты Мотка постригла. И этих болванов тоже.

– Завтра, все завтра. А сегодня только с то...

Дальше Фурман уже ничего не слышал. Веки его вдруг отяжелели, сознание стало тонуть в вязкой медовой дреме. Видно, водка и женские ласки – вещи несовместимые. И усыпляющие. Но ничего, он сделает выводы. Завтра. А сейчас спать, спать...

Глава 5

Горбоносый армянин улыбался так, что даже усы растягивались.

– Как на тебя сшито, дорогой!

Велюровый пиджак действительно смотрелся отлично. Темно-зеленый, с отливом, с черными пластиковыми пуговицами, без всяких вычурностей, строгий, солидный.

– С такой красивой девушкой только в таком пиджаке и ходить! – улыбаясь Рите, сказал торговец. – Сразу видно, что ты крутой! Никто не тронет! Скажи, красавица, круто, да?

– Ну, в общем, да...

Пацаны давно уже затарились шмотками и ушли домой, а Рита все водила Фурмана по рынку. Правда, и о себе не забывала. Жакет себе купила, блузку, юбку, пару туфель. И ему часа два выбирала джинсы, батник, туфли. У него голова с утра раскалывалась, ноги от усталости гудели, а она все по рядам его таскала. Но, кажется, все. Даже на ее придиричий взгляд, пиджак заслуживает внимания. Да и ему очень нравится. Реально нравится.

– Симпатичный. Стильный. Только нитки цеплять будет... – заметила Рита.

– Э-э, какой цеплять! – цокнув языком, огорченно воскликнул армянин. – Зачем так говоришь, да? Цепляют девок на Тверской! Тебя вот зацепить могут!..

Хрясь! Фурман даже не понял, когда его кулак успел сорваться с цепи. Он еще этого не понял, а торговец уже лежал кверху ногами в глубине своей палатки. Точный удар в челюсть оказался очень эффективным средством против словесного поноса.

Рита с восторгом посмотрела на него. Армянин оскорбил ее, а Фурман его за это наказал. И ей это очень понравилось.

Торговец поднимался медленно, угрюмо и с опаской глядя на Фурмана.

– За базаром следи! А то ведь я и убить могу, – с пьедестала своего могущества жестко проговорил Фурман.

Армянин пугливо вжал голову в плечи.

– Извини, дорогой. Сорвалось с языка. – И, немного подумав, спросил: – Пиджак брать будешь?

– Возьму, – великодушно похлопал его по плечу Фурман.

Торговаться он не стал, заплатил полную цену. На этом, казалось, инцидент был, что называется, исчерпан. Но только Фурман с Ритой отошли от прилавка, как около них появились крепко сбитые парни в черной униформе охранников. Рации под левой ключицей, пистолеты в упрощенных кобурах на командирском ремне, наручники, ментовские дубинки. Один – старший, двое на подхвате. Их вел какой-то тонконосый мужик, он же и показал на Фурмана:

– Вот он Самвела ударил!

– Э-э, парни, что за дела?

– Это ты здесь кулаками машешь? – резко спросил стар-

ший, скуластый парень лет двадцати пяти, с жестким, колющим, неприятным взглядом. И еще ментом от него пахло.

– Я за гнилой базар спрашивал! – расправил плечи Фурман.

– Что за базар?

Старший многозначительно осмотрелся по сторонам. Дескать, народу много, в сторонку бы отойти, чтобы разобраться. Но и в сторонке тоже людно. Большой рынок, очень большой, толпа такая, что не протолкнешься.

– Ваш Самвел девчонку мою обидел! Ты у него спроси, он скажет.

– А если не обижал?

– Что ты мне сделаешь? В ментовку сдашь? – расхорохорился Фурман. – Да мне побоку, понял? – Не хотелось связываться с ментами, поэтому и нужно было давить на понт.

– Можно и в ментовку, – услышал он чей-то спокойный, рассудительный голос.

Охранники расступились, и к Фурману вышел среднего роста парень в темно-сером строгом костюме. Не атлет, но крепкий, с мощной энергетикой. Взгляд невозмутимый, уверенность в нем и еще интерес. К Рите. Она явно ему понравилась.

– Только какой в этом смысл? Особенно если ты не виноват.

На Фурмана он смотрел с легкой снисходительной иронией. Никакой наигранности в нем, все естественно и очень се-

рьезно. Он был настолько крут, что по сравнению с ним Трюфель мог показаться мальчиком для битья.

– Где Самвел? – небрежно спросил парень.

И старший наряда, поджав дубинку, метнулся к палатке.

– Как он вас оскорбил? – крутой улыбнулся, глядя на Риту.

– Словом, – не растерялась та.

– А ты делом оскорбляешь! – набычился Фурман. – Чего к моей девчонке лезешь? Ты мне здесь масло не разливай, не надо! И фраера мне здесь не гони! Проблемы тебе нужны? Будут тебе проблемы!

– Смотри, раздухарился! – с интересом посмотрел на него парень. – Не лезу я к твоей девчонке. Может, и с Самвелом тебе померещилось?

– Нет.

– Ну, на нет и суда нет. Ты, я вижу, за свою девчонку горой. Грех тебя за это наказывать. Шагай отсюда! Только руки больше не распускай, а то порядки у нас здесь крутые... Или не веришь?

Фурман плотно сжал губы, хмуро, исподлобья глядя на крутого. Он понимал, что это не пустое бахвальство. Видно, что рынок держат очень неслабые люди и шутки с ними могут закончиться очень плохо. Он просто с этого рынка не выйдет. Вперед ногами отсюда унесут, темной ночью, а потом где-нибудь в канализационном колодце найдут, сам, скажут, туда упал. Лучше молчать, чем нарываться. К тому же

он уже доказал Рите, что готов глотку за нее рвать.

– Некогда мне с тобой разговаривать, – буркнул Фурман, взяв Риту под руку, и шагнул вперед. Крутой даже посторожился, освобождая ему путь. Но страха в его глазах не было, только насмешка с долей уважения.

– С тобой не соскучишься, – одобрительно сказала Рита по дороге домой.

Гомонящая толпа осталась позади, напряжение спало, можно было перевести дух.

– С тобой тоже. Мужики как мухи липнут.

– Потому что я красивая, – кокетливо улыбнулась она.

– Не знаю, не знаю, – прищурившись, посмотрел на нее Фурман.

– Как это не знаешь? – Рита чуть не задохнулась от возмущения.

– Ну, товар лицом нужно выставлять. А ты все больше спиной ко мне.

– Знаю, какое лицо тебе нужно... Пошли!

Идти было недалеко, но Фурман остановил машину, чтобы с шиком отвезти ее домой.

А там уже был накрыт стол. Закуска, выпивка, похмельное настроение, смешанное с табачным дымом, и пьяные рожи Косого и Горемыки. Грязно на кухне, мусор на полу, бутылки по углам, в коридоре небрежно валяются пакеты с покупками.

Один Моток был трезвым и красовался в гостиной перед

зеркалом, рассматривая свой стильный джинсовый костюм и солнцезащитные очки, добавлявшие ему крутизны. Короткая прическа, терпкий запах одеколона, и костюмчик, что называется, сидит.

– Неплохо, неплохо, – глядя на него, одобрительно отозвалась Рита.

– Я вот думаю, нам бы в кабак неплохо сходить, – с залихватской улыбкой произнес Моток. – А то киснем тут...

– Я не понял, ты с кем в кабак собрался? – возмущенно протянул Фурман.

– Ну, с тобой. С Ритой. Я себе там девчонку найду, такую же красивую...

– Ты найдешь, а я тебе познакомиться помогу. – Рита подошла к нему, заботливо сняла нитку с лацкана пиджака. Фурману это не понравилось.

– Будет вам кабак... Завтра... – Он взял Риту под руку, увел за собой в комнату и ревниво спросил: – Я не понял, ты с кем – со мной или с ним?

– С тобой, – как о чем-то само собой разумеющемся ответила она.

– А чего тогда липнешь к нему?

– Липну?! Нитка у него висела...

– Ага, и ты решила ее снять?

Рита надула щеки и выразительно подняла глаза кверху. Дескать, все у тебя, дорогой, к одному сводится.

Может, и правда, комплекс у него? Сегодня точно дока-

жет ей, что он – настоящий мужик, а то вдруг она к Мотку потянется?

Да и Моток наглеет. В кабак с ней собрался... И Косой с Горемыкой оборзели. Сказано же им, больше никаких пьянок. Пора встряхнуть это болото, показать, кто в доме хозяин. Всем показать: и Мотку, чтобы на хозяйское добро не зарился, и остальным, чтоб не бухали. Ну а Рите доказывать ничего не надо, она и так видела сегодня, какой он крутой.

Фурман не спешил. Сначала переоделся во все новое. Рита знала толк в одежде, и в пиджаке и джинсах он действительно смотрелся эффектно. Ему бы очки еще, как у Мотка...

– Ну как? – позируя перед ней, спросил Юра. – Чисто дон Корлеоне, да?

– Ты меня заводишь, – игриво повела бровью Рита.

Да, заведет он ее, и разгонит, и по ухабам на всей скорости промчит. Но это будет чуть позже. А сейчас – ваш выход, босс!

Косой и Горемыка поднимали стаканы, когда Фурман зашел на кухню.

– О! Какой у тебя костюмчик! Обмыть надо!

Не поднимая головы, Горемыка протянул ему полную стопку, но Фурман резко ударил по ней ногой. Стакан с водкой глухо ударился о стенку, осколки звонко посыпались на кафельный пол.

– Э-э, я не понял! – вскочил со своего места Горемыка.

Не было, по его меркам, большей провинности, чем столь

варварское отношение к водке. Он мог простить Фурману все, но только не святотатство, которое только что свершилось. И похоже, он собирался наброситься на него с кулаками.

Но Фурман ударил первым. И с такой силой, что Горемыка не удержался на ногах и упал на спину. Фурман начал бить его по животу, раз, другой, третий... Обескураженный Горемыка едва защищался, и Фурман в своей злобе мог забить его до смерти.

– Эй, ты чего! – крикнул Косой, пытаясь оторвать его от жертвы, но жестоко поплатился за это. В запале Фурман ударил его кулаком в нос.

Послышался хруст, хлюпнули кровавые сопли. Косой устоял, и это еще больше разозлило Фурмана. Он с ударами накинулся на Косого. Одним словом, урок был преподан, досталось и Горемыке, и Косому.

– Еще раз увижу ханку на столе, урою! – злобно прошипел Фурман, поправляя на себе пиджак. – Ты меня понял? – в упор посмотрел он на поднимающегося Косого.

– Да, – подавленно кивнул тот.

– Два часа у вас, чтобы в хате был марафет! Чтобы, как у кота яйца, все блестело! Вопросы?

Вопросов не последовало. Закрывая за собой дверь в спальню, Фурман увидел, как Моток открыл дверь ванной – в одной руке тазик, в другой – тряпка. Он тоже понял, кто в хате смотрящий.

– Ну, ты сегодня разошелся! – восхищенно посмотрела на Фурмана Рита.

– Раздевайся!

– Грубо... Но мне нравится.

Фурман уложил Риту на кровать, разделся сам, и... на этот раз все у него получилось.

Сегодня был его день!

* * *

На сцене, в паутине из разноцветных лучей, вприпляску пела юная звезда. Символическая блузка, короткая юбка из латекса, искры из-под высоких каблуков. Смотрелась она очень эротично и зажигала круто. Это Москва, это уровень – не то что «Мурка» в Тартарыни.

Только настроение у Фурмана было не очень. Выглядел он круто, Рита своей красотой добавляла ему очков, а Моток смотрелся как его телохранитель. Короче говоря, в элитное казино их пропустили без проблем. Правда, сначала через рамку металлоискателя прогнали, но это вовсе не унижение: все через это проходили.

Сначала был игровой зал. Фурман всю жизнь мечтал сыграть в рулетку, даже правила знал, катала один в зоне рассказывал, как в казино шиковал. И сегодня ему повезло выиграть. Поставил десять фишек, а снял сто. Потом, правда, все это богатство слил под шарик, но азарт крепко держал

его за ворот. Он сходил в кассу, взял еще фишек на две штуки баксов и снова все спустил. Это его немного отрезвило, да и Рита вмешалась, удержала от очередного набега на кассу и повела в ночной клуб, что находился по другую сторону холла. Там и звезды эстрады, и танцпол, и ресторанная зона. Цены зубастые, но Фурман мог позволить себе не думать о деньгах.

— Красивая девушка, — будто издалека донесся до него голос Риты. Она сидела справа от него, но силуэт ее тонул в красном полумраке зала.

— Что? — не понял Фурман.

— Это я не тебе...

Оказывается, Рита обращалась к Мотку. Он замороженно смотрел на девушку, скучавшую за соседним столиком в одиночестве. Гранатового цвета вечернее платье, грудь полностью закрыта, зато спина обнажена чуть ли не до копчика. Правильные, выразительные черты лица, красивые глаза, густые ухоженные волосы, аристократический шарм в облике. Она казалась такой недоступной, что неуверенность Мотка была не удивительной.

— Я сейчас, — поднялась с места Рита.

Фурману не понравилось, что она хочет угодить Мотку, но он не стал ее останавливать. Пусть помогает кому хочет, все равно никуда от него не денется. Договор между ними, а вчера он продемонстрировал ей всю свою молодецкую мощь. Таких мужчин не бросают. Крутых мужчин, очень-

очень крутых.

Рита подсела к девушке, что-то с улыбкой сказала ей, и та, с интересом глядя на нее, ответила тем же вежливым тоном. Спустя несколько минут девушки уже подсаживались к их столику. Моток не растерялся, галантно подставил стул. Она поблагодарила его милой и, как показалось Фурману, многообещающей улыбкой. Похоже, Моток ей понравился.

А девушка она красивая, ничуть не хуже Риты, может, даже чуточку лучше. Хотел бы Фурман зажечь с ней, но, видно, это счастье улыбнется Мотку.

Фурман подозвал официанта и велел ему подать меню для гостыи. Выбор предоставил ей, но Дана – так звали девушку – заказала только салат из морепродуктов. И еще Фурман велел принести бутылку хорошего французского вина для нее и Риты.

– Я здесь ненадолго, – с извиняющейся улыбкой сказала Дана, обращаясь больше к Мотку, чем ко всем остальным. – Мне через час нужно быть дома.

– Одна пойдешь, и без охраны? – спросил Фурман.

– Одна. И без охраны. – Дана посмотрела на него без особого интереса. Может, потому, что Рита с ним, а может, Моток ей нравился больше. И это задело Фурмана.

– А здесь чего делаешь? – вроде бы вежливо, но с жесткой подоплекой спросил он.

– Человека одного ждала.

– Кого-то конкретно или вообще?

Рита наступила ему на ногу, но слово уже вылетело.

– Кого-то конкретно, – расстроенно проговорила Дана. Ей явно не понравилось, что ее приняли за проститутку или что-то в этом роде.

– Ты ждала, а он не пришел. Бывает, – бодро высказалась Рита. – И со мной так было, и не раз. Кстати, Степан тоже девушку сегодня ждал. И она тоже не пришла.

Фурман удивленно посмотрел на нее. Нет, он понял, что Рита привирает для красного словца. Но кто такой Степан? Откуда она знает, как зовут Мотка?

– Да? Значит, мы с тобой товарищи по несчастью? – кокетливо повернулась к Мотку Дана.

– Почему по несчастью? Может, это хорошо, что Катя не пришла? – не растерялся Моток. – Твой не пришел, и моя не пришла. Ты свободна, и я свободен. Вдруг это судьба, а?

– Ты веришь в судьбу?

– Если повезет, то поверю.

– В смысле, повезет?

– В смысле, с тобой. То есть если разрешишь, чтобы я тебя охранял. Ну, когда ты уйдешь. Чтобы я с тобой...

– Почему не разрешу? Может, даже попрошу об этом.

Для Мотка все так удачно складывалось, но тут откуда-то из сумрака возник крепко скроенный мужик в малиновом пиджаке. Топорной рубки лицо, бронированный лоб, взгляд жесткий, колющий, как сорокаградусный мороз.

– Дана? Я не понял, ты что здесь делаешь? – Голос грубый,

дребезжащий. — Что это за лохи?

— Я не понял, ты кого лохом назвал? — взвился Фурман.

Пугающая внешность у мужика, и внутри у него какой-то дьявольский стержень, но нельзя оставаться спокойным, когда тебя называли лохом. Не хотел Фурман падать в глазах Риты. Да и перед Мотком обязан был держать масть.

— Ты — лох! Тебя и назвал! — Мужик так резко шагнул к нему, что внутри у Фурмана что-то оборвалось, и руки как-то вдруг отяжелели.

— Гена! Не надо! — мотнула головой Дана.

Мужик остановился в шаге от него. Косая ухмылка прорезала лицо. Он кинул немного назад голову, будто собирается протаранить Фурмана лбом, и жестко отрезал:

— Ты — лох!

Но Фурман не собирался сдавать свои позиции. Хоть и страшновато было, но он наклонил голову, чтобы защитить лицо от удара, и встал в стойку.

— Так ты у нас крутой! — зловеще оскалился Гена.

— Класть я на тебя хотел, понял?!

— Ну пошли, поговорим. Посмотрим, какой ты в деле! — Гена кивком головы показал ему на выход и повернулся спиной.

— Не надо, не ходи! — попыталась остановить Фурмана Дана.

— Да мы сейчас на раз-два! — с бахвальством произнес Моток и последовал за Фурманом.

Гена ждал их в холле. Криво усмехаясь, он показал им на лестницу, что вела в туалет, щелкнув при этом пальцами, чтобы привлечь к себе внимание клубных вышибал. Глянув через плечо, Фурман увидел, как эти громилы перекрывают вход в туалет. Никто не сможет зайти сюда, не к кому будет обратиться за помощью в случае чего. Впрочем, на подмогу со стороны он и не рассчитывал. Но его пугало, что Гена – свой в этом заведении, а может, и главный здесь, если охрана ему подчиняется.

На просторной площадке перед туалетными секциями никого, только мертвая тишина, слегка разбавленная брызжанием ламп дневного света.

– Что, двое против одного? Ну, ну! – закатывая рукав, с презрительной насмешкой начал Гена.

– Это тебя Дана ждала? – заметно нервничая, спросил Моток.

– А ты что, глаз на нее положил? Что ж, придется этот глаз тебе выбить!

Гена плавно тянул к нему руки, будто собираясь размять их, но вдруг его ладонь разогналась до немыслимой скорости и верхним ребром врезалась Мотку в шею. Ноги у парня согнулись в коленях, и он бесчувственно повалился на бок.

– Глаз я ему потом выбью, – ухмыльнулся Гена, надвигаясь на Фурмана, медленно отступавшего под его парализующим взглядом. – А говорил, что крутой...

Эти слова всколыхнули Юрия, вся его бойцовская суть

взбунтовалась. И он рванулся в атаку, нанося удар с такой же силой, с которой сокрушил вчера Горемыку. Но кулак почему-то разрубил пустоту. Зато что-то твердое ткнулось ему в живот, и боль в печени скрутила все тело. Затем последовал удар по ногам, по затылку, и в голове у Фурмана помутнело...

Очнулся он быстро, на том же месте. Только рядом с Генной стояли еще два бугая, в клубных пиджаках, с золотыми цепями на мощных шеях и с хищным оскалом на грубых, обветренных лицах. Один из них держал в руках пустое ведро, и Фурман понял, что он только что выплеснул воду ему в лицо, чтобы привести в чувство. На душе стало совсем тошно.

– Я же говорил тебе, что ты – лох. А ты не поверил, – ухмыльнулся Гена.

– Я не лох, – в беспомощной злобе посмотрел на него Юра.

– Лох, лох! Из какой деревни приехал?

– Я не из деревни. Я срок мотал. За «мокрое»...

– Ну, теперь ты сам у нас мокрая курица. И зоной меня, лошара, пугать не надо. Я знаю, что такое зона. Сам в авторитете был. Короче, нечего мне с тобой тут базлать. Жить хочешь?

Фурман похолодел, глядя, как бугай в коричневом пиджаке передергивает затвор пистолета.

– Э-э... Хочу...

– Тогда с тебя пятьдесят кусков. Зеленью. Типа, за нашу доброту...

– А у меня есть такие бабки?

– Если нет, укради. Или убей. Или то и другое. Короче, срок у тебя три дня. Через три дня приходишь сюда, ждешь, когда я к тебе подойду, отдаешь мне деньги и забираешь свою телку.

– Кого забираю?

– Ты что, глухой? Телку свою заберешь. Эту, белобрысую. Она с нами остается. Так нам спокойней. И веселей. Телка у тебя нехилая, мы с ней в карты играть будем. На раздевание. И на все такое прочее. Нет, сейчас трогать не будем. А через три дня начнем. Если не будет денег. – Гена сел перед Фурманом на корточки, похлопал по щеке, а потом вдруг ударил костяшками пальцев по виску, да так сильно, что Юра снова потерял сознание.

Очнулся он в темном дворе какого-то дома. В чувство его привел Моток. Риты с ним не было, она осталась в казино.

Гена бросил ему вызов. Что ж, он получит на него достойный ответ.

Глава 6

Чистейший кокаин – белый порошок с жемчужным оттенком. Листья коки обрабатываются керосином, перетираются в пасту, куда затем добавляется соляная кислота. Порошок – это и есть соль кокаина, балластного вещества здесь по минимуму. Главное, хорошо измельчить его перед употреблением. Это потом порошок разбавят кофеином, чтобы расфасовать по дозам для клиентов, а Гена потребляет чистейший продукт. Себя не обидит.

Порошок уже рассыпан по зеркалу, теперь бритвочкой нужно раскрошить его в пыль. Сделано. Теперь эту пыль нужно сбить в кучку, вытянуть ее в дорожку сантиметров на пять, истончить до миллиметра. И с этим Гена справился. Он не торопится, для него это священнодействие – прелюдия к кайфу. И новенькую хрустящую купюру в сто долларов он скатывает в трубочку не спеша. Один конец у этой трубочки совсем тонкий, другой – шириной с ноздрю. «Дорожка» снюхивается неторопливо, в удовольствие...

Кокаин можно колоть в вену, тогда приход наступает быстро. И курить тоже можно, с тем же эффектом. А если через нос, то бодрящая, окрыляющая волна поднимается медленно, и выше она, и гуще...

И волна поднялась, и настроение. Гена Витязь расслабленно откинулся в кресле, нажал на кнопку, и вышибала ввел в

кабинет красотку с роскошными волосами цвета кокаина.

– Да пусти ты! – дернулась она, пытаясь высвободиться из цепких рук вышибалы.

– Косыга, ты, правда, зацеп свой убери, – недовольно глянул на охранника Гена. – Это ж тебе не кашалот какой-то, а женщина. С женщин пылинки сдувать надо. – Он поднялся с кресла, подошел к девушке, мягко взял ее под локоток и повлек к дивану: – Как тебя зовут?

– Рита.

От девушки приятно пахло розами и лавандой. Дыхание чистое, свежее. И на внешность просто прелесть...

Дана, правда, получше будет, но и с этой Гена не прочь замутить. Дана – его новая подружка, и никуда она от него не денется. А эта Рита – его пленница, она в его власти, с ней можно делать все, что угодно. Да хоть прямо сейчас.

– Да ты не бойся, никто тебя здесь пальцем не тронет. Ну, без твоего желания, конечно.

– И здесь я тоже по своему желанию? – возмущенно спросила она.

– Ты мне понравилась, вот я тебя и отбил у этих ослов...

– А Дана?

– И Дану, получается, у них же отбил. Ты мне скажи, зачем ты ее к своему столу позвала?

– Степа меня попросил. И я не хотела одна быть. Плохо, когда ты одна, а их двое.

– Кого их?

– Ну, этих парней...

– Кто они такие?

Гена видел людей насквозь, поэтому хорошо понимал, что связался с ребятами, пытающимися казаться крутыми. Парни они, конечно, не простые, что-то есть у них за душой, но сырости в них много, матерости нет, внутренний стержень слабоват. Таких бояться – себя не уважать. К тому же они допустили большую ошибку – попытались наехать на Гену в присутствии Даны. И в глазах Риты он тоже не хотел казаться никчемностью, вот и прессанул их, о чем нисколько не жалел.

– Да я не знаю. Просто познакомились...

– Где?

– Здесь, в Москве. Шла по улице, они подошли, слово за слово, так и познакомились. Они меня в казино пригласили.

– Я так понял, деньги у них есть.

– Да, в казино почти пять тысяч проиграли.

– Проиграли? Если проиграли, это хорошо. Вот если бы выиграли, было бы плохо. Чем они по жизни занимаются?

– Не знаю.

– Откуда они?

– Не успела спросить.

– А сама откуда?

– Из Белгорода, – не очень уверенно ответила Рита.

Гена кликнул охранника, велел принести ее сумочку. Достал из нее паспорт, пролистал его. Действительно, зовут Ри-

той.

– Белгородская область, город Тартарынь... А говоришь, что из Белгорода.

– Вам же Тартарынь ничего не скажет, – смущенно сказала она.

– Ну, в общем, да... Значит, из Белгорода. А в Москве что делаешь?

– Да так, в отпуск приехала, по магазинам походить.

Гена снова полез в сумочку, вытащил кошелек, заглянул внутрь. Пятидесятитысячные купюры, доллары... Есть у нее деньги, чтобы по магазинам ходить. И шмотки не последние.

– А почему вы все время в мою сумку лезете? – раздраженно спросила Рита.

– Должен же я знать, кто ты такая. Может, проститутка, снимаешься здесь. А это мое казино. Все здесь через меня должно проходить.

– Не проститутка я, – хрюпнула носом Рита. – Что я такого сделала, что вы со мной как с рабыней?

– Почему с рабыней? Ты – моя гостья. И будешь находиться здесь, пока твой... как его там? Степа?

– Я с Юрой была.

– В общем, Юра деньги должен привезти. Через три дня. Выкуп за тебя. Если привезет, ты свободна. Если нет, останешься здесь.

– Какой выкуп?

– Пятьдесят штук зеленыю.

– За меня?! Мы с ним только-только познакомились. У нас ничего не было. Я ему никто. Зачем он будет платить за меня деньги?

Гена задумался. Действительно, зачем Юра будет унижаться и отдавать деньги, если он может найти себе другую подругу? Рита, конечно, хороша, но есть девчонки и получше. Да и проститутку можно смазливую снять, с Украины по этой теме отличный товар идет.

– Отпустите меня, пожалуйста!

– Не могу.

– Почему?

– Ты у меня как в ломбарде. Если выкупят, отпущу. Если нет, останешься в моей собственности. Рабыней моей будешь.

– Но сейчас не Средние века!

– Для кого-то – нет, а для кого-то – да. Все в этом мире относительно.

– И что я должна буду делать? – с опаской, но без истерики спросила Рита.

Гена ухмыльнулся. Похоже, девчонка уже готова смириться со своей участью. Или натура у нее такая рабская, или прикрытия никакого нет. Некому ее защитить. Но ведь это хорошо. Зачем ему проблемы из-за какой-то бабы? Впрочем, проблем он не боялся, с ними даже веселее жить. И адреналин в крови бурлит, и кокаин реально вставляет. А без азарта приход почти нулевой...

– Стриптиз танцевать умеешь?

– Не очень...

– А пробовала?

– Было как-то.

– Покажешь?

– Зачем?

– Может, я тебя к себе в танцовщицы возьму. У нас по ночам стриптиз танцуют. Народу нравится.

– Но я не хочу быть стриптизершей.

– А проституткой? Тут одно из двух – или стриптизершей, или проституткой. Что лучше?

– Стриптиз лучше, – обреченно проговорила Рита.

– Тогда тебе придется постараться. Ты должна меня удивить.

Сейчас Рита исполнит ему стриптиз в полном варианте, разденется перед ним догола, и он покажет ей, как нужно крутиться на шесте. Есть у него желание преподать ей урок. Жаль, что времени маловато, нужно еще с Даной поговорить. Она сейчас в игровом зале, успокаивается после жесткого разговора. Сейчас малость развеется за рулеткой, а потом он ее утешит. Прямо здесь. В этом кабинете.

– Когда?

– Прямо сейчас.

– А если не удивлю?

– Тогда будешь проституцией заниматься. В грязном борделе, откуда не убежишь. А стриптизерша – свободный че-

ловек, и зарплата у нее неплохая. Тебе нужны деньги?

– Да.

– Тогда старайся.

– Хорошо.

– Ну что, включаю музыку?

– Нет... Может, Юра заплатит за меня.

– Ты же в этом сомневаешься.

– А вдруг?

– А если нет?

– Тогда я покажу вам, как умею танцевать. Сколько у меня есть времени? Три дня?

– Не больше.

– Мне бы подучиться немного.

– Хорошо. Завтра придет инструктор, он с девочками работает, и с тобой поработает. Только без глупостей. Попробуешь сбежать – горько об этом пожалеешь. Точно в притон сдам. В самый грязный. Дальнобойщиков будешь обслуживать. Мамой клянусь, так и сделаю! – Гена так посмотрел на девушку, что у нее от страха в нервном тике задергалась щека. – Ты меня поняла?

– Да... Я буду стараться...

– Я почему-то уверен, что у тебя все будет хорошо, – успокаивающе похлопал ее по плечу Гена.

Он распорядился отвести ее в одну из трех гостевых комнат, что были предусмотрены в казино, и при ней сделал внушение охраннику. Одного этого должно было хватить, чтобы

отбить у нее всякое стремление к побегу.

* * *

Дела, дела... То одно, то другое, то с русской братвой проблемы, то с китайской. И во все приходится вникать самому, подставлять свою башку, хотя для разборок есть специальная бригада. И Мартын – отменный мастер по этой части.

Он сейчас и разговаривал с китайцами, а Спартак стоял чуть в стороне. Но ведь он тоже подставляет голову под возможный удар.

– Слушай сюда, клоун! – с насмешкой говорил Мартын патлатому китайцу. – Это наш рынок. Мы здесь рулим. И вам здесь делать нечего.

Китайский бригадир смотрел на него жестко, немигающим взглядом, руки собраны внизу живота, как у футболиста перед штрафным, но для него это боевая поза, из которой он может нанести удар. Если, конечно, владеет кунг-фу.

Но Мартыну глубоко начхать на крутость китайских рэкетсменов. Их немного, всего шесть человек. Держатся сурово, с достоинством, но все-таки не хватает им той мощи, которая движет Мартыном. Нет в них той святой уверенности в своей правоте. Да и откуда она может быть, если это чужой монастырь и никто не ждет их здесь со своим уставом.

– Мы бы хотели решить с вами вопрос, – нещадно коверкая слова, проговорил китайский бригадир.

– Какие вопросы, чувак? – небрежно хмыкнул Мартын.

Его голос эхом отражался от металлических стен огромного ангара, посреди которого шел разговор. Это сооружение только-только возвели, даже стеллажи не успели наварить, поэтому свободного места предостаточно. Рядом такие же ангара, вокруг – обнесенный колючкой забор товарного двора. Все это – территория Спартака, и, если Мартын сейчас даст отмашку, китайцев здесь просто похоронят. И никто ничего не узнает.

Можно было перенести стрелку на нейтральную территорию. Но с какой стати? Китайцы пришли сюда, а не наоборот. К тому же они уже сотворили беспредел, и Спартак вправе их за это жестоко наказать, прямо здесь и сейчас.

– Знаю я ваши вопросы. Рэкет, проституция, наркота...

– Среди своих, – уточнил китаец, встревоженно глянув на Спартака.

Разговор вел Мартын, но азиат нутром чуял, что не он главный, понимал, что все зависит от Спартака. Хотя все может быть и так, как решит Мартын. Спартак и слова ему не скажет, если китайцев пустят на фарш. И снайперы ждут команды, и бойцы за спиной Мартына наготове.

– Какие свои? Здесь все наши. Все, кто здесь работает, – наши. Ты мог бы здесь с девочками работать, травку толкать. Мог бы, если бы сразу подошел к нам и перетер с нами вопросы. А ты что сделал? Ты с Куна своего решил поиметь и с других иметь хотел. А они нам за работу платят. Нам!

Торговец Кун едва выжил после рэкетирского наезда. Бандиты вывезли его в лес и реально подвесили за яйца. Это был акт устрашения для всех китайцев, обосновавшихся на репчинском рынке. А их уже немало, и с каждым днем становится все больше. Целая улица у них на барахолке из металлических контейнеров, откуда они торгуют и где живут. Чайна-таун в миниатюре.

А по соседству вьетнамцы обосновались. И там уже своя мафия проклевывается. Гобой держит руку на пульсе. Хотя и трудно с этим народцем работать, но все-таки есть среди них информатор. Сложно было его найти, но у Гобоя большой опыт по части разведки и штат немалый. Даже из бывшей госбезопасности специалист есть.

И среди китайцев тоже стукачок имеется. Если бы не он, висел бы сейчас Кун в лесу на растянутой мошонке. Но нет, сняли его, откачали, а его палачей за жабры взяли, в этот самый ангар притащили да пальцы переломали. А потом бригадир Чжан объявился, за пацанов хотел спросить. Неужели он думал, что за рынком лохи смотрят?

– Жилан собой торгует, Ксия, – со снисходительной насмешкой сказал Мартын. Вужоу травку толкает... Все мы знаем, Чжан. Не думай, что все у вас закрыто.

Факты – убойная вещь. Трудно воевать с противником, который все знает. Трудно и опасно. А если он еще и сильный, то лучше склонить перед ним голову. Что Чжан и сделал.

– Ищи другой рынок, там и работай, если сможешь. А здесь тебе делать нечего, – заключил Мартын. – Ты меня понял?

Китайцы все поняли. Уходили они с опущенными головами, как побитые собаки.

«Мерседес» заехал прямо в ангар, на переднем сиденье, рядом с водителем, – Гобой. Спартак и Мартын расположились сзади. Нельзя всех собирать в одну машину, но что-то не хотелось им ехать порознь, тем более что путь не самый близкий. Они собирались съездить на Волчьи озера, что в десяти километрах от Репчинска. Там, в сосновом бору, достраивался коттеджный поселок.

– Смотрю, дракончики хвосты поджали, – насмешливо заметил Гобой.

– Ну, так медведь на ухо наступил, – хмыкнул Мартын.

Спартак хорошо помнил, как ликовал, когда брал верх на разборках два-три года назад. Сейчас он тоже праздновал победу, но как-то тихо, буднично. Глядя на него, можно было понять, что сегодняшняя стрелка с китайцами – просто рутина.

– Я слышал, китайцы фабрику хотят открыть, подпольную. Будут просить у нас, чтобы место дали. Но пока все в зачаточном состоянии, – продолжал Гобой.

– На месте шмотки хотят шить?

– Ну да, у них это без проблем. Они в своих контейнерах этим занимаются, но там не развернешься. А если fabri-

ку поставить, толку будет больше. Место на торговом дворе есть, можно ангар поставить, они туда прямо из своего Чайна-тауна будут заходить.

– А нам что с этого? Что за аренду склада берем, что за аренду фабрики. Но там как бы законно, а тут чистый контрафакт. Зачем нам этот геморрой?

– Ну, где-то законно, а где-то контрабанда.

– А мы откуда знаем, контрабанда это или нет? У нас что, таможня здесь или рынок? А контрафакт – это уже чистое палево.

– Можно и здесь дурака включить. Сдали китайцам под склад, а они шить начали... Откуда мы знали, чем они там занимаются?

– А какой нам резон?

– Двадцать процентов от реализации контрафакта, помимо платы за место. Лимонов десять чистого навару, может, и больше.

– Надо обсосать вопрос...

Эскорт выехал с рынка через восточные ворота, прошел мимо асфальтированной площадки, где стройными рядами стояли автобусы. Челноки ехали на репчинский рынок со всей страны, товар уходил отсюда не только в розницу, но и мелким, а порой и крупным оптом. Цены здесь чуть ниже, чем в Москве, ассортимент солидный, а еще гостиница для челноков есть, там и переночевать можно, и с девочками время в сауне провести. Так что репчинскую барахолку

можно считать рынком федерального значения.

Деньги здесь крутятся огромные, потому и вьется всякое воронье. И волчьи стаи кружат, и шакалье всякое подвыывает. И подставить Спартака могут, и убить. Сколько раз уже пытались убить! И кости ломали, и стреляли, и даже ядами травили. Непросто приходится Спартаку, без охраны никуда, но ведь он сам выбрал такую жизнь. К тому же сила у него есть, чтобы отбиваться, и авторитет в определенных кругах, и связи во властных структурах. Своя охранная фирма, а это больше полусотни бойцов. Причем не просто охранники откуда ни попадя, а реальная братва, готовая стрелять, резать и убивать во имя общего дела.

Автовокзал остался позади. Скоро он вообще может исчезнуть. В областную администрацию уже поступила заявка на этот участок, какие-то деятели захотели здесь строительный рынок организовать. Правда, ничего у них не выгорело, потому что этот и другие пустующие участки вдоль Кольцевой застолбил за собой Спартак. На правах аренды. И строительный рынок поставит он сам. И еще торговый комплекс можно построить... В общем, планов громадье, лишь бы только жизни хватило их осуществить.

– Что там насчет «Витязя»? – поинтересовался он.

Машины выехали на дорогу, которая вела прямо на Волчьи озера. Когда-то здесь был ухабистый проселок, но его еще в прошлом голу засыпали крупной щебенкой. А когда дома будут готовы, когда поток большегрузных машин со-

кратится до минимума, Спартак уложит дорогу асфальтом. Будет очень удобно, весь путь от рынка до поселка займет десять-пятнадцать минут.

– Работаем, – коротко кивнул Гобой.

Не хотел Спартак подписываться под Ростома, да и не собирался. Но на всякий случай решил взять казино под наблюдение. Вдруг ситуация изменится и ему придется спросить за вора?

– Гена Витязь там за основного.

– Я не понял, он что, казино в свою честь назвал? – удивленно повел бровью Спартак.

– Ну, в твою честь целую футбольную команду назвали, – засмеялся Мартын.

– Если без шуток, этот Гена – тот еще фрукт. Пионер рэкета, – сказал Гобой. – Его еще в восемьдесят девятом за вымогательство взяли. Пять лет влепили. От звонка до звонка отмотал, зону в Мордве держал.

– Он что, в законе?

– Да нет. Он чисто за бандитов. Там у них мазу воры и бандиты держали. Он потом воров от кормушки отогнал и сам себя смотрящим поставил. Я тебе больше скажу: сам срок в тех краях мотал, так я про этого Витязя слышал. Воры его ненавидели, но уважали. И боялись. Очень крутой мужик. Очень.

– А сам он, значит, воров не боится?

– Ну, я не знаю. Но Джума грохнуть мог. Он такой.

– Казино кому принадлежит?

– На кого оформлено, не знаю, но Гена со своей братвой его имеет. Пока он сидел, его пацаны здесь зверствовали, бабок много намолотили. Потом их измайловские конкретно прижали, еще и солнцевские подписались. Ну, и менты впряглись. Кого-то застрелили, кого-то на нары, но кое-кто остался – Дима Качан, Родя Буран, еще кто-то. В общем, они в это казино и вложились. В честь Гены назвали. Витязь откинулся, а ему – казино на блюдечке с голубой каемочкой. Пацаны его сильно уважают, даже кинуть не пытались, хотя и могли.

– Уважаю таких пацанов.

Спартак был уверен в своих главных помощниках. Мартын одно время пытался одеться на себя перетянуть, центро-вым стать вознамерился. Но тогда движение только начиналось, и у всех были равные возможности. Братва выбрала Спартака, и Мартын спокойно подвинулся. И сейчас на своем месте сидит ровно. Так же, как и Гобой. Он верил, что, если вдруг его самого повяжут, как того же Гену, Мартын и Гобой сохраняют верность ему. Верил. Хотя червячок сомнения все-таки шевелился в глубине души.

– Замес у них крутой, не вопрос. И сила есть. Только безбашенные они какие-то.

– Чего?

– Да вчера случай был. Гена с каким-то пацаном схлестнулся в клубе. Не знаю, из-за чего сыр-бор, но этого паца-

на он отметелил и на счетчик поставил. На какие бабки, не знаю, но бабу его забрал. Сказал, пока денег не будет, бабу он не увидит.

– И что за пацан? – заинтересовался Мартын. – Чьих?

– Да левый, видно. У Гены на эти дела глаз наметан. Он видит, где козырь, а где шушера.

– А если не шушера?

– Тогда ответка должна прилететь. Если бы Гена у меня жену забрал, я бы его лично на мелкие части...

– А баба красивая?

– Кто о чем, а вшивый о бабе, – хмыкнул Гобой.

Сам он давно женат. И у Спартака семья. И Угрюм такой же семейный человек, и Бабай. Один только Мартын как неприкаянный – то с одной, то с другой.

– Каюсь, люблю я красивых баб! Не могу без них. И они без меня тоже!.. Ну, так что там за баба? Может, супер какой-то?

– Говорят, красивая. Блондинка. Волосы белые, как снег.

– Как снег... Видел я тут на днях такую. Супер! Намазал бы на хлеб и живьем съел бы. Да я, кажется, говорил, пацанчик один Самвелу по кумполу прописал. Ну, ребята подошли, что за дела. Короче, Самвел косяк упорол, ляпнул что-то не то про блондинку. Но дело не в том.

– А в чем?

– Девчонка красивая. Можно было бы пацанчику предъяву бросить и на счетчик поставить. А бабу его забрать... Не,

я бы так делать не стал, мы же не беспредельщики, в натуре. Но девчонка – супер! Пацан так себе, а она по сравнению с ним – королева... Даже обидно как-то стало. Не по Сеньке шапка.

– А ты бы эту шапочку натянул, – хмыкнул Гобой.

– Ага, по самые уши!

– Если бы да кабы... – усмехнулся Спартак. – Ушла твоя девочка, ищи другую.

– Зачем искать? Есть у меня. Не такая, правда... А-а! – махнул рукой Мартын. Дескать, не о чем говорить. Да и не разговор это, а треп один.

– А от Гены блондиночка не ушла, – продолжал Гобой. – И пацан ему деньги торчит. Умеет Гена врагов наживать...

– Значит, дурак, – постановил Спартак. – Мало того, что воры на него зуб точат, так он еще и по мелочи беспределит. Долго не протянет.

– Нам-то все равно, – с надеждой посмотрел на него Гобой.

Не хотел он, чтобы Спартак связывался с этим делом. И Мартыну это не нужно. Действительно, пусть воры решают свои проблемы сами.

Эскорт свернул на последний участок дороги, который тянулся вдоль озера и упирался в контрольно-пропускной пункт коттеджного поселка.

Забор вокруг поселка уже сооружен, контрольно-пропускной пункт готов, и это не какая-то фанерная будка с по-

лусонным охранником. В кирпичном здании из нескольких комнат будет размещаться караульное помещение, а рядом установят вольеры для сторожевых собак.

Спартак задумал этот поселок не столько для комфортной, сколько для безопасной жизни. И солидные особняки здесь есть – для элиты, и коттеджи попроще – для рядовых, но преданных делу бойцов. У кого не хватит денег купить дом сразу, тот будет платить за него в рассрочку. Главное, чтобы здесь обитал основной костяк бригады. Жить спокойнее, когда все вокруг свои.

Особняк Спартака фасадом выходил на озеро, рядом, на той же первой линии, – дома Мартына, Гобоя, Бабая и Угрюма. Совсем чуть-чуть осталось, максимум через месяц можно въезжать и справлять новоселье. А у Мартына дом «под ключ» готов, он уже и мебель заказал, вот-вот должны привезти...

Думал ли кто из них, отправляясь шабашить в Москву, что через три года они будут жить на широкую ногу, в роскошных домах, ездить на солидных машинах? Но ведь могли и не дожить до этих дней. И не факт, что умрут в своих постелях от старости, в окружении заботливых домочадцев. Страшно жить на этом свете, когда вокруг столько врагов, когда на твое место метят матерые волки с острыми клыками. Стоит зазеваться, и не заметишь, как сожрут с потрохами...

Глава 7

Шквал музыки, колыхание танцующих тел, драйв, адреналин – для этого и существуют ночные клубы. Особенно хорошо, если они совмещены с казино, где можно пощекотать нервы.

Может, Гена Витязь и отморозок, но казино у него выше всяких похвал. Мартын и денег с карточного стола немного снял, и крепким коктейлем у танцпола зарядился. Нет, сам он коленца не выкидывает, давно вышел из такого возраста. Но подружки у него заводные. Молодые, горячие, кровь с кофеином. А танцуют – глаз не отвести. Женя – в короткой юбочке, у Леси джинсы в обтяжку, и обе такие кренделя попами выводят, что и не знаешь, какую из них на ночь забрать...

В этом казино-клубе Мартын впервые, все как-то недосуг было. Но «Витязем» интересуется Спартак, а Гобой и вовсе взял его в разработку. Мартын не мог остаться в стороне от общего дела, поэтому он здесь. И случайных своих подружек прихватил. Для них – радость, а для него еще и «ознакомительная экскурсия».

Хорошо танцуют девочки, очень хорошо. Но и блондиночка им не уступает. Платье на ней не самое короткое, но сильно облегающее. Вот она поворачивается к нему, и он видит знакомые черты... Это же та самая девушка, которую он

видел на рынке, которую оскорбил Самвел. Это она не выходила у него из головы последние дни. Черт возьми, какая роскошная!

А почему она одна? Почему рядом с ней никого нет? Может, ее парень сидит где-то в зале? Он, конечно, крутой, но Мартын нисколько его не боялся. И все-таки, подходя к ней, разволновался, как мальчишка.

– Привет! Ты меня узнаешь? Репчинский рынок помнишь?

– Помню.

– Здесь шумно, пойдем где потише.

– Я не могу.

– Почему?

– Я здесь не просто так.

Ему приходилось подставлять ухо, чтобы слышать ее голос. И запах ее волос, непотного, но разогретого женского тела пьянил сознание. Плевать он хотел на ее парня. Плевать на все. Эта девушка должна быть с ним, и точка.

– А как?

– Я должна танцевать. Это урок. Я учусь.

– Чему ты учишься? Гоу-гоу?

– Ну, в общем, да...

– Зачем тебе это?

Она собралась что-то сказать, но неожиданно передумала, видно, чего-то испугалась. Только коротко бросила:

– Затем.

– Это не ответ. Где твой парень?

– Не знаю... Он... Его... – замялась девушка.

– Что – его?

– Ничего.

– Так, понятно.

Неспроста у него возникла ассоциация с этой девушкой, когда Гобой рассказывал про беспредел с какой-то блондинкой. Гена Витязь опустил пацана, отобрал у него девчонку. Тогда он и подумал об этой красавице, хотя и не допускал, что эта одна и та же девушка.

– Пошли! – Мартын взял ее за руку и повел на выход.

Она не сопротивлялась, покорно шла за ним. Он был уже у дверей, когда заметил свободный столик в дальнем углу. Сумрачно здесь и относительно тихо, как раз то, в чем он сейчас нуждался.

Посадив ее за столик, достал из кармана сигарету, пододвинул к себе чистую пепельницу, краем глаза заметив, как в небольшом отдалении от него встали Колоб и Ржевский. Все правильно, они должны тенью следовать за ним.

– Это твоего парня на счетчик поставили? – щелкнув зажигалкой, поинтересовался он.

– Э-э... Ну, не на счетчик... Выкуп за меня... А вы откуда знаете?

– Я, девочка, все знаю. Только как зовут тебя, не знаю.

– Рита.

– Эх, Рита-Рита-Маргарита! Что ж ты со мной делаешь?

– Что я с вами делаю?

– Значит, тебя выкупить должны?

– Я надеюсь...

Мартын ощутил себя гребцом в лодке. Течение реки тащило его к водопаду, а он изо всех сил работал веслом, чтобы не свалиться в бездну. Нельзя ему связываться с Генкой Витязем из-за Риты. Но что делать, если ее обаяние сильнее рассудка?

– Ты можешь отсюда уйти?

– Из казино? Нет.

– Почему?

– Он сказал, что сдаст меня в притон, дальнобойщиков обслуживать. Он – бандит, самый настоящий бандит.

– Беспредельщик он. А танцуешь зачем?

– Он сказал, что я стриптиз буду танцевать. Или стриптиз, или притон, одно из двух. Сегодня мастер-класс был. Инструктор сказал, чтобы я любую возможность использовала. А эта гримза вытолкала меня на танцпол...

– Какая гримза?

– Ну, Раиса. Она здесь стриптизом заведует.

– Да, влипла ты... Хочешь, увезу тебя отсюда?

– Зачем? – В ее голосе зазвучала искорка надежды.

– Будешь жить как раньше. Если хочешь, со мной останешься.

– А меня отпустят?

– Вот это вопрос. – Мартын вытащил из кармана сотовый

телефон, позвонил Маралу: – Поднимай бригаду. Всех, кого сможешь. Пять минут тебе на сборы, и двадцать минут на выезд. Стволы штатные. Казино «Витязь» знаешь? Туда и подъезжай. Чем быстрее, тем лучше. Жду!

В течение получаса Марал мог подтянуть человек десять самых лучших бойцов. Они ходят по рынку без униформы, но пистолеты у них боевые, вернее, служебные, по лицензии охранника. Можно еще и помповики взять, но это лишнее. Хотя кто его знает...

– А ты рынок охраняешь? – спросила Рита.

– Ну, что-то в этом роде.

– Не похож ты на охранника.

– Так я не простой охранник, а начальник службы безопасности.

– Рынка?

– И рынка, и вообще.

– Э-э... – замялась Рита. – Гена меня так просто не отпустит.

– Будет не просто. Сейчас ребята подтянутся, серьезный разговор предстоит.

– Только ты потом от меня не отказывайся, – умоляюще посмотрела на него Рита. – А то меня убьют... Или в притон... Лучше пусть убьют.

– Не переживай. Все нормально будет.

Мартын подозвал официанта, велел принести коньяк и фрукты.

Прежде чем подали заказ, ему пришлось объясниться с Женей и Лесей. Впрочем, в подробности он вдаваться не стал, дал девчонкам денег на обратную дорогу и велел ехать домой. Дескать, завтра позвонит и все объяснит. Только вряд ли они дождутся его звонка.

Первые две стопки Рита выпила с жадностью. Видно, хотелось заглушить страх перед предстоящим. Только подняли третий бокал, как появился кражистый, с железобетонной статью мужик. Крутой экземпляр, но Мартын и не таких видал. Он спокойно выдержал гнетущую тяжесть враждебного взгляда и с невозмутимым видом показал движением руки на свободный стул.

Мужик думал недолго. Небрежно отодвинул стул от стола и сел, широко расставив ноги.

– Ты кто такой? – спросил он, продолжая обжигать своим взглядом. Похоже, реально под кайфом.

– Твой гость, Гена. И будь проще, – ножичком очищая апельсин, со снисходительной ухмылкой произнес Мартын.

– Ты меня знаешь?

– Ну, ходят слухи, что есть такой Гена Витязь. Вроде авторитетный человек, зону в Мордве держал, пацаны у него боевые и казино не последнее. Только беспределит, говорят, Гена. Левых пацанов каких-то не по теме опускает, девчонок ворует...

– Ты кто такой? – свирепо сощурился Гена.

– Мартын я, со Спартаксом работаю. Рынок в Репчине дер-

жим.

– Спартак? Рынок в Репчине? Да, слышал о таком. О нем слышал, а о тебе нет.

– Считай, что услышал.

– Ты ее знаешь? – кивком головы показал на Риту Гена.

– Знаю. Рита мне позвонила, сказала, что у нее проблемы. Я ее забираю.

– Ты в этом уверен?

– Уверен. А не уверен я в том, Гена, что смогу простить тебе Риту. Но если сейчас исчезнешь, так уж и быть, все забуду.

– А пошел ты!..

Гена резко вскочил, охватом раскидывая руки, и корпус вперед подал, нависая над столом. Пугающее движение, и, надо сказать, Витязь выполнил его блестяще.

Мартын испугался, хотя в сторону не шарахнулся. Правда, нервишки сдали, и это сыграло с Геной злую шутку. Удар у Мартына был мощный и быстрый, а прямой кулаком в подбородок – и вовсе коронка.

Этот удар на мгновение выпрямил Гену, затем ноги его подкосились, и он беспомощно осел на пол, хватаясь рукой за стол.

– Пошли! – Мартын бросил на стол пару стодолларовых купюр, взял Риту за руку и вышел вместе с ней в холл.

Но это был еще не конец. Неожиданно кто-то окрикнул его сзади, а впереди замаячила стена из громоздких выши-

бал.

– Я не понял, что за дела? – с ревом спросил жилистый парень.

С ним еще двое таких же крутых, – резкие, мощные, опасные. Видно, это и были те самые пацаны, которые и казино поставили, и Гене его в коробочке с голубой ленточкой преподнесли.

Да и сам Гена, взбешенный и обдолбанный, уже ворвался в холл. Вышибал – человек пять, этих четверо, а у Мартына только два телохранителя. Так можно и по шарам получить, и без Риты остаться.

Но положение спас подоспевший Марал. Бойцы, которых он за собой привел, выглядели очень грозно. Бывалые пацаны, в таких разборках закаленные, что витязевским вышибалам и не снилось. Они с ходу прорвались к Мартыну и стеной встали против Гены с его друзьями. Рослые, накачанные, свирепые, вдобавок под куртками стволы. Гена дрогнул, глядя на них, и махнул рукой, отпуская Мартына. Все правильно, лучше без Риты остаться, чем дожидаться, пока казино в пух и прах разнесут. Да и пацаны его не очень-то стремились умирать из-за бабы.

* * *

Фурману хотелось зайти в элитный автосалон с Ритой под ручку, щелчком пальцев позвать к себе менеджера,

небрежным кивком головы показать на новенький или хотя бы слегка подержанный «БМВ». Но сейчас ему приходилось довольствоваться порядком подержанной «семеркой», которую он купил на подмосковном рынке всего за полторы тысячи долларов. Взял он ее по доверенности. И с оформлением проблем не будет, и в ГАИ светиться не надо. Ведь машина нужна ему для дела. На ней он выслеживает Гену из «Витязя». Руль крутит Моток, у него и паспорт есть, и права, без которых по Москве не поедешь. Правда, водитель он плоховатый, вернее, не очень хорошо чувствует себя в плотном автомобильном потоке, но потихоньку исправляется. В первый раз он упустил Гену, потерял его «Мерседес» среди машин. А сейчас ничего, уверенно держится у него на хвосте. Причем близко не подъезжает, идет на расстоянии, чтобы «семерка» не примелькалась. Если Гена заметит слежку, может случиться конфуз. Но в плотном потоке машин есть свои прелести, в нем легко затеряться. Правда, потерять еще проще.

Но вот машина покинула пределы Москвы, пошла по загородному шоссе и километра через три-четыре свернула в дебри придорожного поселка. Моток повторил маневр и остановился, дожидаясь, когда «Мерседес» Гены скроется за поворотом, и только после этого двинулся за ним.

Гена свернул во двор своего дома. Фурман издалека наблюдал, как его телохранитель выходит из машины и открывает ворота.

– Я бы на их месте автоматику поставил, – сказал Моток. – Нажимаешь на кнопку, и адью, ворота сами открываются, из машины выходить не надо.

– Так Гена и не выходит, – зевнул Фурман. – Телок за него все делает.

Вчера они всю ночь простояли у казино в ожидании, когда Гена соизволит отправиться домой, а он только утром сел в свою машину. Моток тогда его потерял, зато сегодня им повезло. И к «Витязю» подъехали под утро, и обидчика своего не упустили. Но все равно спать охота. Одиннадцать часов утра. Люди в это время работать начинают, а Гена только домой приехал. Побудет здесь до вечера, а потом снова в казино. Ведь у него сегодня встреча с Фурманом, деньги он от него получить должен. Как такое счастье упустить?

Телохранитель распахнул ворота, подождал, пока машина въедет во двор, и закрыл их изнутри.

– Хреновый у них механизм. И обратно так же. Машина выедет и будет ждать, пока тело сядет, – заметил Моток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.